

Организация Объединенных Наций

**Доклад Специального комитета
по вопросу об учреждении
международного уголовного суда**

Генеральная Ассамблея

Официальные отчеты · Пятидесятая сессия

Дополнение № 22 (A/50/22)

**Доклад Специального комитета
по вопросу об учреждении
международного уголовного суда**

Генеральная Ассамблея

Официальные отчеты · Пятидесятая сессия

Дополнение № 22 (A/50/22)

Организация Объединенных Наций · Нью-Йорк, 1995

ПРИМЕЧАНИЕ

Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации Объединенных Наций.

[Подлинный текст на английском/арабском/испанском/
китайском/русском/французском языках]
[6 сентября 1995 года]

СОДЕРЖАНИЕ

	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
I. ВВЕДЕНИЕ		1
- 11 1		
II. ОБЗОР ОСНОВНЫХ МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВОПРОСОВ, ВОЗНИКАЮЩИХ В СВЯЗИ С ПРОЕКТОМ УСТАВА МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА, ПОДГОТОВЛЕННОГО КОМИССИЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА	12 - 249	3
A. Учреждение и состав суда	12 - 28	3
1. Метод учреждения	15 - 16	3
2. Связь с Организацией Объединенных Наций	17	4
3. Характер предлагаемого суда как постоянного органа	18 - 19	4
4. Назначение судей и прокурора	20 - 24	4
5. Роль прокурора	25	5
6. Принятие регламента суда	26	5
7. Прочие вопросы	27 - 28	6
B. Принцип дополняемости	29 - 51	6
1. Значение принципа дополняемости	29 - 37	6
2. Последствия принципа дополняемости в отношении перечня преступлений, которые будут входить в юрисдикцию международного уголовного суда	38	7
3. Роль национальной юрисдикции	39 - 51	7
a) Характер изъятий из национальной юрисдикции	41 - 47	8
b) Орган, полномочный принимать решения относи- тельно изъятий из осуществления национальной юрисдикции	48 - 50	9
c) Требования в отношении сроков	51	10
C. Другие вопросы, касающиеся юрисдикции	52 - 127	10

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
1. Применимое право и юрисдикция суда	52 - 89	10
a) Вопрос о преступлениях, подпадающих под дей- ствие устава, и квалификация преступлений	54 - 85	11
i) Общие замечания	54 - 58	11
ii) Геноцид	59 - 62	12
iii) Агрессия	63 - 71	13
iv) Серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в вооруженном конфликте	72 - 76	15
v) Преступления против человечности	77 - 80	17
vi) Преступления, предусмотренные в договорах	81 - 85	18
b) Общие нормы уголовного права	86 - 89	19
2. Осуществление юрисдикции	90 - 127	20
a) Имманентная юрисдикция	91 - 101	20
b) Механизм признания государствами юрисдикции суда	102 23	
c) Требования, касающиеся согласия государства, и условия для осуществления юрисдикции	103 - 111	24
d) Механизм задействия	112 - 119	26
e) Роль Совета Безопасности	120 - 126	28
f) Срок исковой давности	127	30
D. Методы работы: надлежащая процедура	128 - 194	30
1. Общие замечания	129 - 133	30
2. Конкретные вопросы	134 - 193	31
3. Дополнительные замечания	194	38
E. Взаимоотношения между государствами-участниками, неучаст- вующими государствами и международным уголовным судом	195 - 243	38
1. Общие вопросы	196 - 204	38

2.	Задержание и выдача	205 - 221	40
----	---------------------------	-----------	----

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

		<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
3.	Судебная помощь	222 - 236	43
4.	Признание решений суда, исполнение приговоров и взаимное признание судебных решений	237 - 243	46
F.	Бюджет и административное управление	244 - 249	47
III.	РАССМОТРЕНИЕ В СВЕТЕ ОБЗОРА СПЕЦИАЛЬНЫМ КОМИТЕТОМ ОСНОВНЫХ ВОПРОСОВ СУЩЕСТВА И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВОПРОСОВ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ ПРОЕКТА УСТАВА, ПОДГОТОВЛЕННОГО КОМИССИЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, ПУТЕЙ СОЗЫВА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПОЛНОМОЧНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ	250 - 254	48
IV.	ВЫВОДЫ СПЕЦИАЛЬНОГО КОМИТЕТА	255 - 259	50

Приложения

I.	Руководящие указания для обсуждения вопроса о взаимоотношении между государствами-участниками, неучастствующими государствами и международным уголовным судом	52
II.	Руководящие принципы для рассмотрения вопроса об общих принципах уголовного права	59

І. ВВЕДЕНИЕ

1. Специальный комитет по вопросу об учреждении международного уголовного суда заседал в Центральных учреждениях Организации Объединенных Наций с 3 по 13 апреля и с 14 по 25 августа 1995 года в соответствии с резолюцией 49/53 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1994 года.
2. Согласно пункту 2 этой резолюции Специальный комитет был открыт для всех государств - членов Организации Объединенных Наций и специализированных учреждений 1/.
3. Сессию открыл заместитель Генерального секретаря, Юрисконсульт г-н Ханс Корелл, который представлял Генерального секретаря и который сделал вступительное заявление.
4. В качестве секретаря Специального комитета выступала директор Отдела кодификации Управления по правовым вопросам г-жа Жаклин Доши; функции заместителя секретаря выполнял заместитель директора (Отдел кодификации Управления по правовым вопросам) г-н Андронико О. Адеде; обязанности помощников секретаря выполняли старшие сотрудники по правовым вопросам г-жа Махнуш Арсанджани и г-жа Сачико Кувабара-Ямамото, младшие сотрудники по правовым вопросам г-жа Вирджиния Моррис и г-жа Дарлин Прескотт (Отдел кодификации Управления по правовым вопросам).
5. На своем 1-м заседании 3 апреля 1995 года Специальный комитет избрал Бюро в следующем составе:

Председатель: г-н Адриан Бос (Нидерланды)

Заместители Председателя: г-н Шериф Бассиуни (Египет)
г-жа Сильвия А. Фернандес де Гурменди (Аргентина)
г-н Марек Мадей (Польша)

Докладчик: г-жа Кунико Саэки (Япония)

6. Также на своем 1-м заседании Специальный комитет утвердил следующую повестку дня (A/AC.244/L.1):

1. Открытие сессии.
2. Выборы должностных лиц.
3. Утверждение повестки дня.
4. Организация работы.
5. Обзор основных вопросов существа и административных вопросов, вытекающих из проекта устава международного уголовного суда, подготовленного Комиссией международного права, и рассмотрение в свете такого обзора вопроса о мероприятиях по созыву международной конференции полномочных представителей.
6. Утверждение доклада.

7. На рассмотрение Специального комитета помимо проекта устава, принятого Комиссией международного права на ее сорок шестой сессии 2/, была представлена соответствующая глава тематического резюме обсуждений, состоявшихся в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в ходе ее сорок девятой сессии (A/CN.4/464/Add.1), замечания, полученные в соответствии с

пунктом 4 резолюции 49/53 Генеральной Ассамблеи о создании международного уголовного суда (A/AC.244/1 и Add.1-4) 3/, и представленный Генеральным секретарем во исполнение пункта 5 этой резолюции доклад о примерной оценке кадровых потребностей, структуры и расходов, связанных с созданием и функционированием международного уголовного суда (A/AC.244/L.2). Комитет имел в своем распоряжении также ряд весьма полезных неофициальных документов, подготовленных некоторыми из его членов. Он также получил документы, подготовленные экспертами и неправительственными организациями.

8. В соответствии с мандатом Специального комитета его заседания проходили в два этапа.

9. На первом этапе (3-13 апреля и 14-23 августа 1995 года) Специальный комитет провел обзор основных вопросов существа и административных вопросов, вытекающих из проекта устава международного уголовного суда, подготовленного Комиссией международного права. В ходе этого этапа Комитет создал Рабочую группу открытого состава под председательством г-на Герхарда Хафнера (Австрия) и поручил ей подготовить неофициальный документ по методам судопроизводства (надлежащая процедура). Комитет согласился включить в свой доклад (см. пункты 128-194 ниже) документ, полученный от Рабочей группы, в качестве исключительно полезной основы будущего обсуждения. Впоследствии он поручил Рабочей группе подготовить директивные указания для рассмотрения: а) вопроса об отношениях между государствами-участниками, неучастствующими государствами и международным уголовным судом; и б) вопроса об общих нормах уголовного права. Оба вопроса были рассмотрены Комитетом на основе директивы, подготовленной Рабочей группой. Директивные указания прилагаются к настоящему докладу. Итоги первого этапа работы отражены в разделе II ниже.

10. На втором этапе своей работы Специальный комитет рассмотрел в свете своего обзора основных вопросов существа и административных вопросов, вытекающих из проекта устава международного уголовного суда, подготовленного Комиссией международного права, вопрос о мероприятиях по созыву международной конференции полномочных представителей. Итоги этого этапа работы отражены в разделе III настоящего доклада.

11. В разделе IV доклада содержатся выводы Специального комитета.

II. ОБЗОР ОСНОВНЫХ МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВОПРОСОВ, ВОЗНИКАЮЩИХ В СВЯЗИ С ПРОЕКТОМ УСТАВА МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА, ПОДГОТОВЛЕННОГО КОМИССИЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

A. Учреждение и состав суда

12. Было выражено широкое признание того, что учреждение эффективного и широко признанного международного уголовного суда обеспечило бы привлечение к ответственности лиц, виновных в совершении тяжких уголовных преступлений, и предотвратило бы случаи совершения таких преступлений в будущем. Было высказано замечание о том, что учреждение единого, постоянного суда устранило бы необходимость создания специальных трибуналов по отдельным преступлениям, обеспечив тем самым стабильность и последовательность в международной уголовной юрисдикции. Была выражена надежда на то, что независимый суд, свободный от политического давления, учрежденный на правовой основе для борьбы с четко определенными преступлениями и предоставляющий максимум гарантий обвиняемым, предотвратит кризис, пагубно влияющий на целые народы. Однако некоторые представители, обратив внимание на далеко идущие юридические и финансовые последствия проекта, призвали в этой связи к осмотрительности. Было также отмечено, что результаты обсуждения в Комитете повлияют на решение тех государств, которые по этим соображениям не поддержали идею создания международного уголовного суда.

13. Было подчеркнуто, что предлагаемый суд следует учредить в качестве органа, юрисдикция которого дополнила бы юрисдикцию национальных судов и существующие процедуры международного судебного сотрудничества по уголовным вопросам, и что его юрисдикцию следует ограничить наиболее тяжкими преступлениями, вызывающими озабоченность у международного сообщества в целом.

14. Было также подчеркнуто, что без универсального участия суд не будет служить интересам международного сообщества.

1. Метод учреждения

15. Многие делегации согласились с мнением о том, что предлагаемый суд подлежит учреждению в качестве независимого судебного органа путем заключения многостороннего договора, как это рекомендуется Комиссией. Было сочтено, что такого рода подход, основанный на явном согласии государств, совместим с принципом суверенитета государств и целью обеспечения юридической авторитетности суда. Многие делегации признали, что этот подход является самым практичным, принимая во внимание трудности, с которыми было бы связано создание суда в качестве одного из органов Организации Объединенных Наций посредством внесения поправки в Устав Организации Объединенных Наций. Была высказана мысль о том, что для вступления в силу договора потребуется относительно большое количество ратификаций и присоединений, например 60, что является одним из способов обеспечения общего признания данного режима. Вместе с тем была выражена озабоченность по поводу задержек, которые мог бы повлечь за собой такой подход, и было предложено, чтобы требовалось не более 20-25 ратификаций. Особый акцент был сделан на необходимости поощрения общей приемлемости устава суда путем надлежащего отражения в нем различных правовых систем.

16. Вместе с тем некоторые делегации высказались за учреждение предлагаемого суда в качестве одного из основных органов Организации Объединенных Наций, с тем чтобы

обеспечить его универсальность, моральный авторитет и финансовую жизнеспособность. Было высказано мнение о том, что не следует делать чрезмерный акцент на трудностях, связанных с внесением в Устав требуемой поправки, принимая во внимание ведущиеся в настоящее время обсуждения по вопросу об изменении структуры Совета Безопасности, и что можно было бы прибегать к процедуре внесения поправок, предусмотренной в статье 109 Устава.

2. Связь с Организацией Объединенных Наций

17. Было сочтено, что тесная связь между предлагаемым судом и Организацией Объединенных Наций является основным условием универсальности и морального авторитета нового органа, а также его финансовой и административной жизнеспособности. Заключение специального соглашения между судом и Организацией Объединенных Наций, как это предусматривается в статье 2 проекта устава, по мнению ряда делегаций, представляет собой надлежащий способ установления необходимых связей функционального взаимодействия между двумя организациями с сохранением в то же время независимости суда как судебного органа. Однако некоторые делегации предупредили о сложности затрагиваемых вопросов, и было предложено, чтобы содержание соглашения и метод его принятия были предусмотрены в самом уставе или чтобы соглашение было разработано одновременно с уставом.

3. Характер предлагаемого суда как постоянного органа

18. Было отмечено, что подход, отраженный в пункте 1 статьи 4 проекта устава, в соответствии с которым суд был бы создан в качестве постоянного органа, который действовал бы, когда потребуется рассмотреть переданное ему дело, является приемлемым компромиссом, направленным на обеспечение баланса между, с одной стороны, требованиями в отношении гибкости и эффективности деятельности суда с точки зрения затрат, а с другой стороны - необходимостью создания в качестве альтернативы специальным трибуналам постоянного судебного органа, способного обеспечить единообразие и последовательность в применении и дальнейшем развитии международного уголовного права. Другие делегации согласились с этим предложением, если только при этом не будет наноситься ущерб постоянному характеру, стабильности и независимости суда.

19. Была высказана мысль о том, что, если бы некоторые должностные лица, например судьи, члены президиума, секретарь и/или прокурор назначались на постоянной основе, это способствовало бы приданию суду более постоянного и независимого характера.

4. Назначение судей и прокурора

20. Что касается назначения судей, то пункты 1 и 2 статьи 6, касающиеся требований, предъявляемых к судьям, и выборов судей, вызвали возражения. Некоторые делегации выразили озабоченность по поводу того, что проведение слишком строгого различия между судьями, обладающими опытом в области уголовного правосудия, и судьями, обладающими признанной компетенцией в области международного права, могло бы привести к применению неоправданной системы квот и усложнить подбор кандидатов. Кроме того, выделение этих двух областей права некоторыми делегациями было расценено в качестве неправомерного ограничения источников специальных знаний, возможностью обращения к которым должен располагать суд. Некоторые делегации высказали мнение о том, что предпочтительным вариантом было бы использование более гибкой формулировки, основывающейся на пункте 1 статьи 13 Устава Трибунала для бывшей Югославии. Другие делегации подчеркнули важность опыта в области уголовного правосудия, принимая во внимание характер суда, а некоторые из них высказали мысль о том, что квалификацией и опытом в области уголовного права должен обладать каждый судья. Было высказано также замечание о том, что процедуры назначения и выборов судей, применимые в контексте Международного Суда и Трибунала для бывшей Югославии, обеспечивают более эффективные гарантии независимости и универсальности.

21. В этой связи некоторые делегации предложили, чтобы список, из которого будет производиться отбор кандидатов, был шире, чем круг государств-участников и что должна проводиться первоначальная проверка, например, в рамках выдвижения кандидатов национальными группами. Кроме того, было предложено, чтобы в целях повышения степени признания этого учреждения выборы проводились Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности, а не государствами-участниками, чтобы для Совета Безопасности могла быть предусмотрена функция, связанная с отсевом кандидатов, и чтобы для избрания требовалось большинство в две трети. Было отмечено, что другие делегации не поддерживают идею расширения роли Совета Безопасности в этом отношении, считая, что в конечном счете это могло бы ограничить выбор судей суда.

22. Далее было предложено внести поправки в пункт 5 статьи 6, с тем чтобы он предусматривал справедливое географическое представительство, а также представительство основных правовых систем мира. Было высказано мнение, что для целей представительства необходимо определить основные правовые системы мира. Некоторые делегации подчеркнули, что в суде должны быть адекватным образом представлены малые государства. Другие делегации ставили под сомнение уместность этих критериев.

23. Что касается назначения прокурора, то была высказана мысль о том, что важным требованием является наличие опыта в области расследования и осуществления преследования по уголовным делам. Было отмечено, что беспристрастность была бы более эффективно обеспечена в том случае, если бы прокурор и заместители прокурора были лицами различного гражданства, и что система назначения судом по рекомендации государств-участников, или наоборот, повысила бы авторитетность и независимость соответствующих должностных лиц.

24. Многие делегации высказали мнение о том, что полномочия президиума являются чрезмерными и что этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении. Была подвергнута критике также система ротации между судебными палатами и апелляционной палатой.

5. Роль прокурора

25. Было предложено наделить прокурора полномочием инициировать расследование и обвинение. Было высказано мнение о том, что, прежде чем приступать к расследованию и преследованию, прокурор должен получить согласие заинтересованных государств. Другое предложение предусматривало включение в устав правил об отводе.

6. Принятие регламента суда

26. Многие делегации признали наличие существенной связи между уставом и регламентом суда, равно как особую значимость правил доказывания и отдельных элементов материальных норм уголовного права. Многие делегации предложили, чтобы регламент суда разрабатывался и принимался одновременно с уставом или чтобы он был включен непосредственно в устав. Однако некоторые делегации высказали мнение о том, что внутренние правила могли бы быть разработаны и приняты самими судьями.

7. Прочие вопросы

27. Несколько делегаций отметили, что данный проект устава допускает ротацию судей между Судебной и Апелляционной палатами и выразили озабоченность по поводу соответствия такого порядка требованиям в отношении надлежащего процесса.

28. Некоторые делегации высказались за включение положения об отсутствии у устава обратной силы, принимая во внимание статью 28 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года.

В. Принцип дополняемости

1. Значение принципа дополняемости

29. В пункте третьем преамбулы проекта устава предусматривается, что международный уголовный суд "призван дополнять национальные системы уголовного правосудия в случае, когда соответствующие судебные процедуры могут отсутствовать или могут оказаться неэффективными". Таким образом, принцип дополняемости 4/ касается соотношения между предлагаемым международным уголовным судом и национальными уголовными и следственными процедурами. Многие делегации указали на комментарий к преамбуле, где прямо говорится, что Комиссия международного права не преследовала цели заменить предлагаемым судом национальные суды. Принцип дополняемости, как было отмечено, является неотъемлемым элементом учреждения международного уголовного суда. В то же время было заявлено, что она нуждается в доработке, с тем чтобы можно было в полной мере уяснить ее последствия для материальных положений проектов устава.

30. Ряд делегаций выразили мнение о том, что абстрактное определение этого принципа пользы не принесет и предпочтительнее иметь общее понимание практических последствий этого принципа для функционирования международного уголовного суда. По мнению некоторых, можно по-новому сгруппировать определенные положения проекта устава, к которым принцип дополняемости имеет непосредственное отношение, например положения, касающиеся допустимости и судебной помощи.

31. Ряд делегаций подчеркнули, что принцип дополняемости должен создавать прочную презумпцию в пользу национальной юрисдикции. Такая презумпция, как они заявили, обусловлена преимуществами национальных судебных систем, которые сводятся к следующему: a) все участники процесса будут совершать действия в рамках существующей правовой системы, включая действующие двусторонние и многосторонние договоренности; b) применимое право будет носить более определенный и разработанный характер; c) уголовное преследование будет менее сложным, поскольку оно будет основано на знакомых прецедентах и нормах; d) как уголовное преследование, так и защита, по всей вероятности, будут менее дорогостоящими; e) как правило, будет легче получить доступ к доказательствам и свидетелям; f) языковые проблемы будут сведены к минимуму; g) местные суды будут применять установленные средства получения доказательств и показаний, включая применение норм, касающихся лжесвидетельства; и h) санкции будут четко определены и легко исполнимы. Было отмечено также, что государства жизненно заинтересованы в том, чтобы самим нести ответственность за уголовное преследование за нарушение своих законов, что также в интересах международного сообщества, поскольку, как можно надеяться, национальные системы в рамках своей юрисдикции будут поддерживать международные стандарты поведения и требовать их соблюдения.

32. Другие делегации отметили, что принцип дополняемости не должен создавать какую-то презумпцию в пользу национальных судов. Хотя такие суды и должны сохранять параллельную юрисдикцию с упоминаемым судом, последний всегда должен иметь примат юрисдикции.

33. Было также отмечено, что при рассмотрении принципа дополняемости необходим сбалансированный подход. Согласно такому мнению, важно не только сохранить примат национальных юрисдикций, но также и избегать юрисдикции суда, становящейся лишь остаточной по отношению к национальной юрисдикции.

34. Было отмечено, что вопрос о дополняемости и соотношения между международным уголовным судом и национальными судами необходимо будет рассмотреть и в ряде других

плоскостей, например в плане международного судебного сотрудничества и различных вопросов, связанных с передачей, выдачей, содержанием под стражей, тюремным заключением, признанием решений и применимым правом.

35. По вопросу о том, куда следует поместить принцип дополняемости - в преамбулу или в одну из статей проекта устава, - были высказаны две точки зрения.

36. Согласно одной, учитывая важность этого вопроса, простого упоминания в преамбуле будет недостаточно и определение или хотя бы упоминание этого принципа должно быть включено в одну из статей устава, предпочтительнее в начальной части. Такое положение, как было отмечено, устранил всякие сомнения относительно важности принципа дополняемости в применении и толковании последующих статей.

37. Согласно другой, принцип дополняемости можно было бы разработать и в преамбуле. В этой связи была приведена статья 31 Венской конвенции о праве договоров, в соответствии с которой преамбула договора считается частью того контекста, в рамках которого договор должен толковаться, и было заявлено, что изложение в преамбуле к уставу принципа дополняемости будет составлять часть того контекста, в котором устав в целом должен будет толковаться и применяться.

2. Последствия принципа дополняемости в отношении перечня преступлений, которые будут входить в юрисдикцию международного уголовного суда

38. По мнению ряда делегаций, принцип дополняемости требует того, чтобы в проекте устава была предусмотрена единая правовая система для всех преступлений в рамках юрисдикции суда. Такая правовая система должна быть транспарентной и эффективной и ее целью должно быть повышение авторитета, а значит и приемлемости суда. Утверждалось, что такая единая правовая система возможна лишь в том случае, если в юрисдикцию суда будут входить только несколько наиболее тяжких преступлений. В противном случае придется учреждать целый ряд юрисдикционных механизмов, в связи с чем усилится опасность бесконечного оспаривания юрисдикции суда. Было отмечено также, что ограничение юрисдикции суда несколькими преступлениями упростило бы проблему согласия на осуществление юрисдикции, тогда как расширение перечня преступлений привело бы к противоположному результату.

3. Роль национальной юрисдикции

39. Несколько делегаций отметили, что значение выражения "национальная юрисдикция" необходимо уточнить. Было заявлено, что "национальная юрисдикция" не ограничивается территориальной юрисдикцией, а включает также осуществление юрисдикции государствами, обладающими компетенцией осуществлять юрисдикцию в соответствии с установленными принципами и договоренностями; так, в случае задействования военной юстиции, значение имеет не столько государство места совершения преступления, сколько государство, о военнослужащих которого идет речь. При решении вопроса о том, какое государство является наиболее заинтересованным в данном вопросе и, следовательно, должно осуществлять юрисдикцию, необходимо учитывать также соглашения о статусе сил и соглашения о выдаче.

40. В отношении изъятий из национальной юрисдикции были подняты следующие вопросы: а) характер изъятий из национальной юрисдикции; б) орган, компетентный решать вопрос относительно таких изъятий; и с) требования в отношении сроков.

а) Характер изъятий из национальной юрисдикции

41. Что касается характера изъятий, то в отношении фразы в третьем пункте преамбулы проекта устава "когда соответствующие судебные процедуры [в национальных системах уголовного

правосудия] могут отсутствовать или могут оказаться неэффективными" большинство согласилось с тем, что слова "отсутствовать" и "неэффективными" не ясны. Были подняты вопросы относительно того, в соответствии с какими стандартами определять, является ли та или иная национальная судебная система "неэффективной". К тому же было отмечено, что принцип дополняемости, отраженный в вышеприведенной фразе, по мнению некоторых делегаций, препятствует осуществлению имманентной юрисдикции, предусмотренной в пункте 1а статьи 21 проекта устава, а также "исключительной" юрисдикции.

42. В этом контексте было замечено, что в комментарии к преамбуле прямо предусмотрен довольно высокий пороговый уровень для изъятий из национальной юрисдикции и что по замыслу Комиссии международный уголовный суд будет функционировать только в случаях, когда отсутствуют перспективы того, что предполагаемые исполнители серьезных преступлений будут должным образом осуждены национальными судами. Было подчеркнуто далее, что осуществление национальной юрисдикции включает и решения не осуществлять уголовного преследования. В этом контексте было предложено, чтобы презумпция, предусмотренная в статье 35 проекта устава, была изъята, с тем чтобы решения об оправдании или осуждении национальными судами или решения национальных органов прокуратуры не возбуждать уголовного преследования уважались, за исключением тех случаев, когда они являются необоснованными. Некоторые делегации высказали мнение о том, что было бы предпочтительно, если бы принципы, изложенные в статье 35 в отношении допустимости и придания суду дискреционных полномочий принимать решение о том, что дело в суде является неприемлемым на основаниях, изложенных в пунктах a-c, были предусмотрены в качестве одного из условий, а не в виде придания каких-то дискреционных полномочий. Другое замечание заключалось в том, что статья 25 проекта должна позволять международному уголовному суду рассматривать заявления только тогда, когда ни одно государство не проводит расследование дела или когда какое-либо государство уже провело такое расследование. Аналогичные положения, как было предложено, можно было бы включить в статьи 26 и 27, а также в статьи 51 и 52, где будет установлен предел в отношении обязательства государств оказывать содействие международному уголовному суду. Некоторые делегации выразили мнение о том, что такое положение явилось бы надлежащим выражением принципа дополняемости, а другие сочли, что обязанность международного уголовного суда уважать решения национальных судов распространяется лишь на явно обоснованные решения.

43. Было подчеркнуто, что разработанные Комиссией стандарты не преследуют цели установления иерархии между международным уголовным судом и национальными судами или разрешения международному уголовному суду выносить решения относительно деятельности национальных судов вообще. В этом контексте некоторые делегации высказали обеспокоенность тем, что статья 42, посвященная принципу *non bis in idem*, возлагает на международный уголовный суд нечто вроде надзорных функций в отношении национальных судов, несмотря на то обстоятельство, что юрисдикция международного уголовного суда параллельна юрисдикции национальных судов. Кроме того, в отношении статьи 42 было предложено исключить разграничение между обычными преступлениями и преступлениями, вызывающими международную озабоченность, поскольку такое разграничение известно не всем правовым системам и может вызвать существенные юридические проблемы.

44. Положение, которое, как было отмечено некоторыми делегациями, является отступлением от концепции комплементарности, содержится в пункте 4 статьи 53, который требует, чтобы государство-участник, по мере возможности, отдавало просьбам об аресте и передаче, поступившим от суда, предпочтение перед просьбами о выдаче, поступившими от других государств.

45. По мнению некоторых делегаций, решение о том, следует ли отклонить национальную юрисдикцию, должно приниматься на индивидуальной основе с учетом, среди прочих факторов, того, насколько вероятно, что в конкретном случае национальная юрисдикция будет осуществлена. Было отмечено, что, хотя юрисдикция международного уголовного суда и носит обязательный

характер в тех случаях, когда отсутствует функционирующая судебная система, вмешательство этого суда в ситуациях, когда функционирующая национальная судебная система используется как прикрытие, требует весьма тщательной проработки. Было отмечено также, что если национальные органы без какой-либо уважительной причины не принимают мер в отношении совершенного преступления согласно проекту устава, то международный уголовный суд должен осуществить свою юрисдикцию.

46. По мнению некоторых делегаций, в уставе необходимо отразить вопрос о национальных амнистиях и дать указания в этой области, отметив те обстоятельства, в которых международный уголовный суд мог бы оставаться безучастным или вмешиваться до объявления национальной амнистии.

47. Было предложено также предусмотреть в проекте устава возможность того, чтобы государство могло по своему усмотрению отказываться от юрисдикции в пользу международного уголовного суда в отношении преступлений, прямо предусмотренных в его уставе. Это предложение вызвало оговорки на том основании, что оно не совместимо с принципом дополняемости. В связи с этим было отмечено, что международный уголовный суд никоим образом не должен подрывать эффективность национальных судебных систем и его следует использовать в исключительных случаях.

b) Орган, полномочный принимать решения относительно изъятий из осуществления национальной юрисдикции

48. Некоторые делегации выразили мнение о том, что полномочиями принимать решения относительно изъятий из национальной юрисдикции должен быть наделен международный уголовный суд. Этот суд, как было отмечено, имеет верховенство перед национальными судами и в этой связи статья 9 устава Международного трибунала для бывшей Югославии была приведена в качестве хорошего примера, которым можно воспользоваться. Была отмечена также статья 24 проекта устава, где говорится об обязанности международного уголовного суда удостовериться в том, что он обладает юрисдикцией. Были приведены и практические причины в пользу того, чтобы международный уголовный суд принимал решение о том, должен он осуществлять юрисдикцию сам или же отказаться от нее в пользу национальной юрисдикции.

49. Другие делегации сочли вышеназванные аргументы неубедительными. По их мнению, статья 9 устава Международного трибунала для бывшей Югославии в данном случае не уместна, поскольку в момент учреждения указанного Трибунала международное сообщество знало об особых обстоятельствах этого положения и поэтому при его создании сделало определенные допуски; в данном же случае необходимо определить критерии и установить стандарты для применения к различным ситуациям в будущем. Подобным же образом, было выражено мнение о том, что необходим осторожный подход при ссылках на прежние трибуналы, рассматривающие военные преступления, и специальный трибунал для Руанды в качестве надлежащих precedents при рассмотрении вопроса о будущем международном уголовном суде. Было также выражено мнение о том, что бремя доказывания уместности изъятия из осуществления национальной юрисдикции должно лежать на международном уголовном суде.

50. По мнению некоторых делегаций, можно создать международный уголовный суд, обладающий имманентной юрисдикцией в отношении нескольких особо тяжких преступлений, который, как будет условлено, в плане осуществления юрисдикции будет пользоваться верховенством, при том понимании, однако, что эта презумпция может быть оспорена на основе критериев, которые будут определены в уставе. Если же, с другой стороны, юрисдикция международного уголовного суда будет охватывать преступления, указанные в договорах, то тогда приоритетом должны будут пользоваться установленные в этих договорах режимы, и лишь если они окажутся неэффективными, в дело должен вмешаться международный уголовный суд.

с) Требования в отношении сроков

51. Было отмечено, что изъятия из национальной юрисдикции должны рассматриваться на самом раннем этапе до того, как прокурор международного уголовного суда начнет расследование, поскольку даже начало уголовного расследования может создать помехи для осуществления национальной юрисдикции. Было отмечено также, что если дело расследуется или находится в стадии рассмотрения в национальном суде, то международный уголовный суд должен приостановить осуществление своей юрисдикции, даже если впоследствии он может возобновить рассмотрение этого дела в соответствии со статьей 42 проекта устава.

С. Другие вопросы, касающиеся юрисдикции

1. Применимое право и юрисдикция суда

52. В отношении статьи 33 проекта устава было высказано мнение о том, что для удовлетворения требований точности и четкости в уголовном процессе право, подлежащее применению судом, должно быть четко указано в уставе, а не определяться с помощью национальных коллизионных норм. Под применимым правом, как представляется, следует понимать не только нормы о преступлении и наказании, но также и принципы личной уголовной ответственности, нормы, касающиеся защиты, процесса и доказывания, которые должны излагаться в регламенте суда согласно статье 19. Хотя некоторые делегации и полагали, что в самом уставе должно быть предусмотрено применимое право, посредством разработки или включения соответствующих норм конвенционного и обычного права, другие же делегации подчеркивали важность ускорения работы по проекту кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, с тем чтобы решить такие вопросы. Некоторые делегации выступили за установление связи между проектом кодекса и уставом.

53. Подпункт a статьи 33, как отмечалось, сомнений не вызывает. Было предложено включить в подпункт b ссылку на договоры, перечисленные в приложении, и привести его формулировку в соответствие с терминологией статьи 38 Статута Международного Суда, с тем чтобы предотвратить неопределенность или путаницу, хотя некоторые делегации усомнились в целесообразности применения принципов и норм международного права. Подпункт c, как было подчеркнуто, должен быть изменен, с тем чтобы четко указать, что национальное право является вспомогательным средством для определения общих принципов права, присущих основным правовым системам, или, в альтернативном случае, точно указывать на соответствующее национальное право, государство, право которого должно применяться, и обстоятельства, при которых такое право применялось бы, поскольку национальное право весьма далеко от единообразия. Было также предложено добавить новое положение, касающееся обычного права, имея в виду статью 38 Статута Международного Суда.

а) Вопрос о преступлениях, подпадающих под действие устава, и квалификация преступлений

i) Общие замечания

54. Что касается объема юрисдикции суда, то несколько делегаций подчеркнули важность ограничения ее наиболее тяжкими преступлениями, вызывающими озабоченность международного сообщества в целом, как отмечается во втором пункте преамбулы, по следующим причинам: содействовать более широкому признанию суда государствами и, таким образом, повысить его эффективность; укрепить доверие к суду и его моральный авторитет; избежать перегрузки суда делами, которые могли бы надлежащим образом разрешаться национальными судами; и ограничить финансовое бремя, налагаемое на международное сообщество. Было предложено, чтобы принцип ограниченной юрисдикции был отражен не только в преамбуле, но и в одном из положений постановляющей части, возможно, в новой статье 1 или в статье 20, и его следовало бы уточнить посредством разработки конкретных критериев.

55. Что касается перечня преступлений, то ряд делегаций предложил, чтобы юрисдикция суда была ограничена тремя-четырьмя преступлениями по общему международному праву, перечисленными в подпунктах a-d статьи 20, учитывая масштабы, распространенность и неизбежные международные последствия этих преступлений, хотя в отношении подпункта b были изложены различные взгляды. Было высказано мнение о том, что включения трех преступлений, упоминаемых в подпунктах a, c и d, будет достаточно, для того чтобы избежать необходимости учреждения дополнительного суда, учитывая рамки юрисдикции двух существующих трибуналов. Далее ряд делегаций высказал мнение о том, что различные преступления, предусмотренные в договорах, упоминаемые в подпункте e, среди которых отдельные делегации выделили терроризм, преступления, связанные с наркотиками, пытки и апартеид, также являются серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность международного сообщества, и их следует включить. Вносились также предложения добавить к перечню преступлений, предусмотренных в договорах, нарушения Конвенции о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала, а также экологические правонарушения. По мнению некоторых делегаций перечень преступлений, предусмотренных в рамках этого подпункта, не является исчерпывающим. Различные делегации предлагали, чтобы подход к перечню преступлений состоял в том, чтобы первоначально ограничить юрисдикцию суда первыми тремя-четырьмя преступлениями, предусмотрев при этом какой-либо механизм, который давал бы государствам - участникам устава возможность рассматривать на более позднем этапе вопрос о включении других преступлений. Предлагался также подход, согласно которому государства могли бы согласиться передавать суду дела чрезвычайного характера.

56. Было высказано замечание о том, что перечень преступлений позволит определить ту роль, которую должен играть будущий суд. Было также обращено внимание на то, какие последствия этот перечень преступлений будет иметь для других вопросов, связанных с судом, включая принцип дополняемости, требование согласия государства и механизм задействования юрисдикции, а также обязательства государств-участников в отношении оказания суду содействия и судебной помощи. В частности, некоторые делегации высказали мнение о том, что ограничение юрисдикции суда несколькими "наиболее тяжкими преступлениями" по общему международному праву облегчит рассмотрение других проблем, связанных с деятельностью суда, и применение последовательного единообразного подхода к различным требованиям, касающимся осуществления юрисдикции. Однако было также подчеркнуто, что расширение юрисдикции суда могло бы дать возможность использовать это учреждение в качестве еще одного средства мирного разрешения споров.

57. Что же касается квалификации преступлений, то было высказано мнение о том, что процедурный документ, перечисляющий, а не определяющий преступления, не удовлетворяет требованиям принципа законности (*nullum crimen sine lege* и *nulla poena sine lege*) и что составляющие элементы каждого преступления должны быть определены, с тем чтобы предотвратить любую двусмысленность и обеспечить полное уважение прав обвиняемого. Для определения преступлений, перечисленных в статье 20, были предложены следующие методы: ссылка на положения соответствующих договоров или их включение, разработка определений путем использования в качестве отправной точки устава Нюрнбергского трибунала и уставов международных трибуналов для бывшей Югославии и для Руанды или завершение в срочном порядке работы над проектом кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, с тем чтобы избежать задержки с учреждением суда. Некоторые делегации высказали оговорки в отношении использования проектов уставов трибуналов *ad hoc* или проекта кодекса преступлений в качестве основы для определения преступлений.

58. Несколько делегаций отметили, что важно было бы включить в устав принцип отсутствия обратной силы его положений. Было также отмечено, что в устав необходимо включить положение, которое бы препятствовало суду налагать наказание на основе обычного права, не опираясь на четкое определение преступления, включенное в устав.

ii) Геноцид

59. Что касается подпункта a статьи 20, то многие делегации согласились с тем, что преступление геноцида отвечает критериям, допускающим распространение на него изложенной в преамбуле юрисдикции суда.

60. Ряд делегаций высказал мнение, что авторитетное определение преступления геноцида содержится в Конвенции 1948 года о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 5/, которая получила широкое признание государств и, по оценке, Международного Суда, является отражением обычного права 6/. Некоторые делегации высказались за повторение соответствующих положений в уставе суда, как это было сделано в уставах специальных трибуналов для бывшей Югославии и для Руанды.

61. Было внесено предложение расширить определение преступления геноцида, содержащееся в Конвенции, с тем чтобы оно охватывало социальные и политические группы. Это предложение получило поддержку ряда делегаций, по мнению которых любой пробел в определении должен быть заполнен. Однако другие делегации выступили против внесения поправок в определение, содержащееся в Конвенции, которая как документ обычного права является обязательной для всех государств и была включена в действующие законодательства многих государств - участников Конвенции. Было высказано мнение о том, что внесение поправок в существующие конвенции выходит за рамки данного мероприятия. Была выражена озабоченность по поводу того, что различия в определениях преступления геноцида в Конвенции и в уставе могут привести к тому, что Международный Суд и международный уголовный суд будут в соответствии с двумя этими документами выносить в связи с одной и той же ситуацией противоречащие друг другу решения. Было высказано предположение, что такие акты, как убийство, которое можно квалифицировать как геноцид, когда его жертвой становится одна из групп, о которой говорится в Конвенции, также может представлять собой преступление против человечности, если его объектом являются члены других групп, включая социальные или политические группы.

62. Было внесено еще одно предложение прояснить понятие требования в отношении намерения в связи с преступлением геноцида, проводя различие между конкретным требованием в отношении намерения применительно к ответственным за принятие решений или разработку планов и общим требованием в отношении намерения или знания применительно к тем, кто совершает акты геноцида. Ряд делегаций высказали мнение о том, что было бы целесообразно детализировать, не внося поправок в Конвенцию, различные аспекты требования в отношении намерения, в том числе намерения применительно к различным категориям ответственных лиц, уточнить смысл выражения "намерение уничтожить", а также ту грань, которую необходимо провести в плане масштабов преступления или числа жертв. Было высказано мнение, что свет на эти аспекты определения геноцида может пролить Международный Суд в связи с делом, которое он рассматривает в настоящее время 7/. Было также предложено, чтобы вопрос о намерении был более подробно рассмотрен применительно к различным преступлениям, подпадающим под юрисдикцию суда в связи с применимым правом.

iii) Агрессия

63. Некоторые делегации высказались за включение агрессии или планирования, подготовки, инициирования или ведения агрессивной войны в число преступлений, подпадающих под юрисдикцию суда. В этой связи было подчеркнуто, что вопрос о включении этого преступления в проект устава и вопрос о полномочиях Совета Безопасности на основании статьи 23 проекта устава тесно взаимосвязаны. Признав, что определение агрессии для целей устава будет нелегким делом, они обратили внимание на статью 6а Нюрнбергского устава, - которая, как было заявлено, отражала позицию всех 20 государств - участников Лондонского соглашения по вопросу о принципе индивидуальной уголовной ответственности за совершение агрессии и была частью существующего применимого права, - а также на Определение агрессии, содержащееся в

резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года, определение, предложенное в контексте продолжающейся работы Комиссии международного права над темой "Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества", и определение, разработанное Комитетом экспертов, проводившим совещание в июне 1995 года под эгидой Международной ассоциации уголовного права, Международного высшего института криминологических исследований и Института иностранного и международного уголовного права им. Макса Планка. По их мнению, Организация Объединенных Наций, в Уставе которой закреплен принцип неприменения силы и которая была создана для того, чтобы избавить грядущие поколения от бедствий войны, не может 50 лет спустя после Нюрнбергского процесса исключить агрессию из юрисдикции международного уголовного суда, сделав таким образом шаг назад и проигнорировав противоположную позицию, занятую Комиссией международного права в ходе ее работы над проектом кодекса преступлений против мира и безопасности человечества.

64. Другие делегации выступили против включения агрессии. Многие усомнились в возможности разработки определения агрессии для целей устава в разумные сроки и выразили беспокойство по поводу того, что такое требующее много времени занятие чрезмерно задержит разработку устава. Они указали, что конечная цель - а именно создание эффективного органа отправления правосудия - не должна быть принесена в жертву политическим соображениям. На их взгляд, Нюрнбергский устав бесполезен в нынешних условиях, поскольку в нем говорится об агрессивной войне, которая уже была развязана и квалифицирована как таковая; будущее же определение должно быть связано с решением трудной проблемы возможных оправдательных причин, таких, как самооборона или вмешательство в гуманитарных целях. Что касается Определения агрессии 1974 года, то оно не преследует цели установления индивидуальной уголовной ответственности. Был также затронут вопрос о том, является ли по-прежнему приемлемым критерием ссылка в обоих документах на агрессивные войны - а не на акты агрессии, - и в этой связи было обращено внимание на общую статью 2 Женевских конвенций 1949 года. К тому же Определение агрессии было признано бесполезным для целей уголовного права, поскольку а) перечень актов агрессии, содержащийся в его статье 3, не является исчерпывающим; и б) в нем проводится различие между агрессивными войнами, которые квалифицируются как преступные, и актами агрессии, которые равносильны международным правонарушениям, влекущим ответственность государства. В этой связи было отмечено, что, предусмотрев индивидуальную уголовную ответственность за акты агрессии, Комиссия международного права сделала существенный шаг в прогрессивном развитии международного права.

65. Некоторые из этих делегаций указывали также, что согласно национальным уголовным кодексам агрессия не является наказуемым деянием. В ответ на этот довод было высказано замечание о том, что уголовный кодекс, рассматриваемый в настоящее время в парламенте одного государства-члена, напротив, предусматривает наказание за агрессию. Кроме того, тот факт, что национальные законодательства большинства стран обходят молчанием этот вопрос, является просто следствием отсутствия какого-либо определения на международном уровне и соответствующего механизма реализации; учитывая принцип комплементарности и концепцию отсутствия уголовных процедур, отраженные в преамбуле к проекту, подготовленному Комиссией международного права, это служит дополнительным основанием для включения агрессии в устав.

66. Ссылаясь на практическую трудность привлечения политических руководителей к суду за агрессию, одни делегации отметили, что эта проблема возникает и в связи с другими преступлениями, например, геноцидом. Другие делегации сочли нецелесообразным распространять юрисдикцию суда на акты, которые по сути не могут служить основанием для фактического судебного преследования и поэтому чреваты опасностью дискредитировать суд и подорвать его моральный авторитет.

67. По мнению ряда делегаций, цель сторонников включения агрессии в число преступлений, подпадающих под юрисдикцию суда, может быть достигнута без тех значительных трудностей, о которых говорилось выше, поскольку агрессия часто влечет за собой нарушения гуманитарного

права. Этот довод был признан неубедительным, поскольку нарушение *jus ad bellum* вполне допустимо без нарушения *jus in bello*.

68. Что касается возможности рассмотрения в судебном порядке поведения, о котором идет речь, то некоторые члены Комитета указывали, что агрессия является актом государства и что квалификация какого-либо конкретного акта в качестве агрессии представляет собой политическое решение. Другие отмечали, что агрессия - это не простой политический акт, не влекущий за собой правовых последствий, а нарушение одной из основополагающих норм международного права, и что квалификация какого-либо акта в качестве агрессии, хотя она и является частью политического процесса, представляет собой правовое решение, принимаемое в соответствии с Уставом. Говорилось также о том, что, если агрессия, несомненно, связана с политическими аспектами, то же можно сказать и о других актах, в целом квалифицируемых как подпадающие под юрисдикцию суда.

69. Ряд делегаций высказал замечания по проблеме совмещения, с одной стороны, главной ответственности Совета Безопасности за поддержание международного мира и безопасности и его роли в установлении актов агрессии и, с другой, ответственности за установление индивидуальной уголовной ответственности за тот же акт, которая будет возложена на суд: эти трудности отчетливо высветила статья 23 проекта Комиссии.

70. Некоторые делегации выступили против того, чтобы оставить за Советом Безопасности право устанавливать наличие акта агрессии и доверить будущему суду возложение уголовной ответственности на конкретных лиц. Такое решение, как было сказано, порождает проблемы соблюдения процессуальных норм и лишит суд его независимости: может ли суд постановить, что глава государства не виновен в агрессии, несмотря на уже принятое Советом Безопасности решение о том, что данное государство совершило акт агрессии? С другой стороны, имеет ли суд возможность действовать самостоятельно при установлении факта агрессии, несмотря на прерогативы Совета Безопасности? Кроме того, настоятельно предлагалось проявлять осмотрительность на том основании, что вопрос о наличии и/или последствиях акта агрессии может быть поставлен не только перед Советом Безопасности и будущим судом, но и перед Международным Судом, и что согласно юридической логике эти три органа не должны выносить несовместимые или противоречащие друг другу заключения.

71. Другие делегации сочли необходимым и возможным найти надлежащее равновесие между требованием о независимости суда и необходимостью уважения главной роли Совета Безопасности в поддержании международного мира и безопасности. Однако было выражено беспокойство по поводу того, что в статье 23 проекта Комиссии такое равновесие не достигнуто. Большинство делегаций комментировали статью 23 в контексте обсуждения роли Совета Безопасности в связи с осуществлением юрисдикции (см. пункты 120-126 ниже). В этой связи было, однако, замечено, что ограничение, предусмотренное в пункте 2, не имеет аналога в Статуте Международного Суда и что формулировку этого пункта следует изменить с целью предусмотреть для суда возможность рассматривать жалобу в связи с агрессией в том случае, если Совет не принял решения по этому вопросу. По мнению заинтересованных делегаций, ответственность Совета за квалификацию какого-либо конкретного поведения в качестве агрессии не лишает суд права устанавливать уголовную ответственность индивидуумов за планирование, подготовку и совершение агрессии.

iv) Серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в вооруженном конфликте

72. Что касается подпункта c статьи 20, то многие делегации согласились с тем, что серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в вооруженном конфликте, отвечают критериям для включения в сферу охвата юрисдикции суда, определенной в преамбуле. Было выражено мнение о том, что концепция серьезности может потребовать дальнейшего разъяснения или, возможно, сопровождаться дополнительными критериями для проведения различий между нарушениями большей или меньшей тяжести, размаха, масштаба или продолжительности, а также обеспечения

того, чтобы лишь первая из указанных категорий подпадала под юрисдикцию суда. В этой связи было также выражено мнение о том, что не все нарушения соответствующих законов и обычаев равнозначны преступлениям такой тяжести, что их необходимо передавать в международный суд.

73. По мнению нескольких делегаций, эта категория преступлений по общему международному праву должна охватывать не только серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в вооруженном конфликте, с точки зрения Гаагских конвенций и Положения, но и серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 года, которые в настоящее время охватываются подпунктом e, а также сопоставимые серьезные нарушения других соответствующих конвенций, которые обрели статус обычного права. Хотя некоторые делегации выразили мнение о том, что подпункт c должен также охватывать нарушения Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 года, был поднят вопрос о том, отражает ли в целом этот документ обычное право. Кроме того, было отдано предпочтение более ограниченному подходу к этой категории преступлений на основе Женевских конвенций 1949 года, которые получили широкое признание государств.

74. Были высказаны различные мнения относительно того, должны ли законы и обычаи, применимые в вооруженном конфликте, в том числе преступления, предусмотренные в договорах, включать в себя законы и обычаи, регулирующие вооруженные конфликты немеждународного характера, а именно статью 3, общую для Женевских конвенций 1949 года, и Дополнительный протокол II к ним. Те, кто выступал за включение таких положений, обратили внимание на современную реальность вооруженных конфликтов, устав Специального трибунала для Руанды и недавнее решение Специального трибунала для бывшей Югославии о признании общей статьи 3 в качестве обычно-правовой нормы. Однако другие делегации высказали серьезные оговорки относительно возможности охвата вооруженных конфликтов немеждународного характера и усомнились в соответствии такого подхода с принципом комплементарности. Что касается Дополнительного протокола II, то было выражено мнение, что этот документ в целом не обрел статуса обычного права и поэтому имеет обязательную силу лишь для его государств-участников. Было высказано мнение о том, что конфликты немеждународного характера не должны охватываться юрисдикцией суда как в отношении общей статьи 3, так и Дополнительного протокола II.

75. При рассмотрении смежных правонарушений, совершенных в период вооруженных конфликтов, которые можно перегруппировать в единую категорию, было обращено внимание на непоследовательность и возможную путаницу в результате употребления термина "серьезные нарушения" (serious violations) в подпункте c, термина "исключительно тяжкие преступления" в подпункте e и термина "серьезные нарушения" (grave breaches) в Женевских конвенциях. Была высказана идея о том, что эту терминологическую проблему можно решить посредством использования термина "военные преступления", который охватывал бы все соответствующие правонарушения.

76. Что касается квалификации преступлений, то, по мнению некоторых делегаций, указание на серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в вооруженном конфликте, не является достаточно точным для целей принципа законности. В этой связи была особо подчеркнута необходимость определения конкретного содержания и элементов состава рассматриваемых нарушений в целях указания на то, что бремя доказывания лежит на обвинении, обеспечения соблюдения надлежащей законной процедуры и уважения прав обвиняемого и ориентации суда при определении им существа обвинений. Некоторые делегации обратили внимание на соответствующие положения Нюрнбергского устава и статуты специальных трибуналов для бывшей Югославии и Руанды в качестве возможных отправных точек для разработки определений соответствующих преступлений, при этом, однако, предпочтение было отдано исчерпывающему перечню правонарушений для обеспечения соблюдения принципа *nullum crimen sine lege*. Что касается перечня преступлений, то отмечалось, что в него следует включить изнасилование и аналогичные правонарушения. Кроме того, было выражено мнение о том, что при квалификации нарушений,

предусмотренных в статье 3, общей для Женевских конвенций 1949 года, - если предположить, что они будут включены, - следует учитывать, что в этой статье отсутствует какое-либо четкое положение о международной уголовной ответственности.

v) Преступления против человечности

77. Что касается пункта d статьи 20, то многие делегации выразили мнение о том, что преступления против человечности отвечают критериям для включения в сферу охвата юрисдикции суда, определенной в преамбуле. Было выдвинуто предложение о том, что юрисдикция суда в отношении этой категории преступлений должна быть обусловлена дополнительными требованиями в целях обеспечения сбалансированного подхода по сравнению с подходом, отраженным в подпункте c, который оставляет место для критерия серьезности. В этой связи обращалось внимание на указание на вооруженные конфликты в уставе Специального трибунала для бывшей Югославии, а также требование в уставе Специального трибунала для Руанды о том, что включенные в него преступления должны носить систематический или широко распространенный характер.

78. Что касается квалификации преступлений, то указывалось на отсутствие какой-либо конвенции, содержащей общепризнанное и достаточно точное юридическое определение преступлений против человечности. Несколько делегаций выразили мнение о том, что определение, содержащееся в Нюрнбергском уставе, уставе Токийского трибунала, законе Контрольного совета № 10 и уставах специальных трибуналов для бывшей Югославии и Руанды, может служить ориентиром при разработке такого определения; в то же время они признали необходимость согласования этих различных определений и дальнейшей разработки конкретного содержания таких правонарушений, как истребление, депортация и обращение в рабство. В число конкретных замечаний в отношении элементов, которые следует отразить в определении преступлений против человечности, входили следующие: преступления могут совершаться против любого гражданского населения в отличие от военных преступлений; преступления, как правило, сопряжены с широко распространенными и систематическими нападениями на гражданское население в отличие от изолированных правонарушений; дополнительные основания для преследования, содержащиеся в уставе Специального трибунала для Руанды, вызывают сомнение и не нужны в настоящем контексте; и перечень правонарушений должен включать в себя изнасилования, а не гонения, которые были охарактеризованы как слишком неопределенные. Хотя некоторые делегации высказались за исчерпывающий перечень правонарушений, другие делегации выразили мнение о возможной целесообразности сохранения остаточной категории преступлений; однако было признано, что термин "другие бесчеловечные деяния" нуждается в дальнейшем уточнении.

79. Были высказаны различные мнения относительно того, могут ли преступления против человечности совершаться в мирное время в свете Нюрнбергского прецедента, а также устава Специального трибунала для бывшей Югославии. Некоторые делегации выделили среди событий, происшедших после Нюрнбергского прецедента, свидетельствующего в пользу исключения какого-либо требования о вооруженном конфликте, прецедент в уставе Специального трибунала для Руанды и недавнее решение Специального трибунала для Югославии по делу Тадича. Однако было также выражено мнение о том, что рассматриваемые преступления обычно совершаются в период вооруженного конфликта и лишь в исключительных случаях в мирное время, что факт наличия обычно-правовых норм по этому вопросу вызывает сомнения с учетом вступающих в противоречие друг с другом определений, содержащихся в различных документах, и что этот вопрос нуждается в дальнейшем рассмотрении.

80. Что касается связи между преступлениями против человечности и геноцидом, то было выражено мнение о том, что следует избегать какого-либо частичного дублирования этих двух категорий преступлений и что для них обеих необходим определенный стандарт доказывания, несмотря на какие-либо различия в требованиях, связанных с умыслом.

vi) Преступления, предусмотренные в договорах

81. Что касается подпункта е статьи 20 (см. пункт 55 выше), то было выражено мнение о том, что правонарушения, указанные в договорах, перечисленных в приложении, могут иметь меньший размах, чем другие правонарушения, предусмотренные в статье 20 и что их включение в сферу юрисдикции международного уголовного суда сопряжено с опасностью превращения суда, который должен концентрироваться на наиболее тяжких преступлениях, вызывающих озабоченность международного сообщества в целом, в заурядное учреждение. Кроме того, в пользу исключения рассматриваемых преступлений из сферы юрисдикции суда был высказан аргумент о том, что указанные преступления более эффективно рассматриваются национальными судами или в рамках международного сотрудничества. С конкретной ссылкой на терроризм и незаконный оборот наркотических средств была выражена озабоченность в связи с тем, что распространение юрисдикции суда на соответствующие преступления создаст для суда чрезмерное бремя.

82. Однако была также признана целесообразность сохранения всех или некоторых преступлений, о которых речь идет в договорах, перечисленных в приложении. В этой связи указывалось, что международный уголовный суд не призван заменять собой действующие механизмы уголовного преследования за такие преступления, указанные в договорах, как терроризм и правонарушения, связанные с наркотиками. Скорее он призван быть одним из вариантов, имеющихся в распоряжении государств-участников устава, которые будут решать вопрос о том, где целесообразнее осуществлять судебное преследование за то или иное конкретное преступление - на национальном или международном уровне. Кроме того, в качестве одного из аргументов в пользу включения указанных в договорах преступлений в сферу юрисдикции суда приводился тот факт, что многие страны не располагают ресурсами для крупномасштабного сбора разведывательной информации, которая зачастую необходима для уголовного преследования за террористические и связанные с наркотиками преступления.

83. Было отмечено, что необходимо включить конвенции, касающиеся актов терроризма, в перечень, содержащийся в приложении, с тем чтобы упоминаемые деяния охватывались юрисдикцией суда, без ущерба для принципа дополняемости и национальной юрисдикции. Однако другие делегации выразили серьезные сомнения в отношении целесообразности такого намерения.

84. Что касается вопроса о том, следует ли включать в перечень, содержащийся в приложении, другие документы, то некоторые делегации предложили включить Конвенцию о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала, поскольку, по всей видимости, она будет применима в ситуациях, когда отсутствуют надлежащие национальные суды и в этой связи международный уголовный суд будет заполнять этот пробел. Однако было отмечено, что эта Конвенция, которая еще не вступила в силу, касается правонарушений, которые не имеют такой степени тяжести, какая предусматривается в проекте. Некоторые делегации усомнились в полезности включения этой Конвенции в рамки юрисдикции суда.

85. Было высказано предложение о включении в устав положения, предусматривающего периодический обзор перечня преступлений в качестве одного из способов обеспечения того, чтобы он отвечал потребностям международного сообщества. Ряд делегаций выразил поддержку этому предложению.

b) Общие нормы уголовного права

86. Комитет рассмотрел различные пункты, перечисленные в руководящих принципах для рассмотрения вопроса об общих принципах уголовного права, подготовленных Рабочей группой (см. пункт 9 выше) и содержащихся в приложении II к настоящему докладу.

87. В отношении вопроса процедуры ряд делегаций заявили о своей поддержке комбинированного подхода к методу разработки общих норм уголовного права, согласно которому

а) основополагающие принципы будут включены в устав или приложение к нему; б) другие важные вопросы будут отражены в регламенте; и с) менее важные вопросы могут решаться судом при рассмотрении конкретного дела, возможно, путем использования национального права конкретного государства или принципов, единых для основных правовых систем. Такой подход позволит государствам - участникам устава принять участие в разработке основных норм, которые войдут в устав, а также в разработке других важных положений, которые будут включены в регламент суда. Он также позволит потенциальным государствам-участникам четко уяснить общие правовые рамки, в которых будет функционировать суд. Кроме того, он обеспечит четкие указания для суда, необходимую степень предсказуемости и определенности для того, чтобы права обвиняемого и предоставление адвокату защиты возможности отвечать на обвинения в полной мере соблюдались, а также будет способствовать обеспечению последовательности в практике по основополагающим вопросам общего уголовного права, например, в отношении *mens rea*, принципов индивидуальной уголовной ответственности и возможных возражений. Было высказано мнение о том, что характер преступлений в рамках юрисдикции суда должен приниматься во внимание при рассмотрении вопросов, касающихся устава, норм или применения судом общих принципов уголовного права. Устав Международного трибунала для бывшей Югославии, как было отмечено, не может служить надлежащей моделью для разработки или определения общих норм уголовного права применительно к постоянному суду, который будет создан на договорной основе государствами - участниками его устава. Некоторые делегации, с другой стороны, обратили внимание на принципы общего уголовного права, рассматриваемые в статье 7 указанного устава. Другие делегации заявили, что они еще не выработали окончательной позиции по этому вопросу.

88. В отношении роли национального права некоторые делегации высказали замечания в связи с непосредственным применением национального права, предусмотренным в пункте с статьи 33 проекта устава, ввиду неопределенности того, какое национальное право должно применяться, а также ввиду расхождений в национальных уголовных законах. Было высказано мнение, что суду было бы предпочтительнее учитывать общие принципы уголовного права, свойственные основным правовым системам, а не полагаться на национальное право конкретного государства в решении вопросов по конкретным делам, которые не предусмотрены в уставе или регламенте суда. Внимание было также обращено на различия в уголовном праве и процессе стран общеправовой традиции и стран континентальной традиции. Хотя некоторыми делегациями предпочтение было отдано подходу к расследованию второй группы стран, было также отмечено, что необходимо попытаться найти общеприемлемый сбалансированный подход, который бы учитывал особенности правовых систем обоих видов.

89. Что касается вопросов существа, то ряд делегаций выразили мнение, что различные определенные Рабочей группой вопросы заслуживают дальнейшего изучения и что необходимо рассмотреть возможность включения соответствующих положений в устав или приложение к нему, в частности относительно таких общих принципов, как принцип отсутствия обратной силы и принцип индивидуальной уголовной ответственности; необходимого намерения или *mens rea*; вопроса о здравом суждении; различных видов уголовной ответственности; возможных возражений в отношении преступлений, входящих в юрисдикцию суда; отягчающих или смягчающих обстоятельств, которые могут влиять на вынесение соответствующего приговора; санкций, которые может применять суд; несоответствия в отношении максимального наказания, которое может быть наложено судом и национальными судами; и включение штрафов и других финансовых санкций в качестве возможных наказаний. Был также поднят вопрос о применимости возражений государства в отношении личной ответственности.

2. Осуществление юрисдикции

90. Высказываясь в общем по вопросу об осуществлении юрисдикции, несколько делегаций обратили внимание на тесную связь между различными элементами, касающимися этого вопроса (комплементарность, юрисдикция, согласие, механизм задействования, роль Совета Безопасности и т.д.). Кроме того, отмечалось, что вопрос о порядке осуществления судом своей юрисдикции

имеет основное значение для того, как государства отнесутся к его уставу: степень участия в уставе, доверие к суду и его независимость, его повседневное функционирование будут в значительной степени определяться порядком представления дел на его рассмотрение.

а) Имманентная юрисдикция

91. Несколько делегаций подробно остановились на своем понимании концепции имманентной юрисдикции. В этой связи указывалось, что если суд будет наделен имманентной юрисдикцией в отношении того или иного преступления, то любое государство, ставшее участником его устава, *ipso facto* признает, что суд имеет право судить обвиняемого в этом преступлении без какого-либо дополнительного согласия государства-участника. Кроме того, отмечалось, что имманентная юрисдикция не означает исключительную юрисдикцию и не лишает государств-участников права осуществлять юрисдикцию на национальном уровне и что вопрос о приоритете юрисдикции должен будет решаться международным уголовным судом на основе принципа комплементарности.

92. Некоторые делегации выступили против включения концепции имманентной юрисдикции в устав по ряду причин. По их мнению, концепция не соответствует принципу государственного суверенитета, закрепленному в пункте 1 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций. Было также выражено мнение о том, что выражение "имманентная юрисдикция" сопряжено с логической несообразностью, поскольку на этапе, когда международный уголовный суд еще не существует и когда компетенцией привлекать к уголовной ответственности за соответствующие преступления наделены национальные суды, право суда осуществлять юрисдикцию может проистекать только из согласия государств-участников, выраженного посредством договора или в каждом конкретном случае. Кроме того, было выражено мнение о том, что концепция имманентной юрисдикции не соответствует принципу дополняемости, в соответствии с которым суд обладает юрисдикцией лишь тогда, когда судебные процедуры на национальном уровне отсутствуют или не являются эффективными. В этой связи указывалось, что вместо того, чтобы априорно предполагать, что за некоторые категории преступлений целесообразнее привлекать к ответственности в международном уголовном суде, было более целесообразным определить обстоятельства, когда разбирательство в таком суде будет уместным. В этом контексте отмечалось, что принцип дополняемости нуждается в более полной разработке, чем это сделано в настоящее время в проекте, подготовленном Комиссией международного права, и что концепции приемлемости согласно статье 35 и *non bis in idem* согласно статье 42, которые имеют первостепенную важность и должны применяться судом в каждом деле, нуждаются в дальнейшей разработке в целях отражения принципа дополняемости. Что касается опасности юрисдикционных коллизий, то отмечалось, что было бы несправедливым наделять международный уголовный суд правом решать такие коллизии и нецелесообразным ставить его в дилеммные ситуации, из которых ему сложно будет выйти с честью.

93. Другие делегации особо подчеркнули, что имманентную юрисдикцию нельзя рассматривать как несовместимую с государственным суверенитетом, поскольку она будет проистекать из акта суверенного характера, т.е. признания устава. Отмечалось также, что рассматриваемые преступления являются преступлениями, вызывающими международную озабоченность, уголовное преследование за которые отвечало бы интересам ряда государств, а может быть и международного сообщества в целом, и что, когда государство места содержания под стражей не может осуществить уголовное преследование, настояние на суверенитете будет негативно сказываться на законных интересах других государств. Далее отмечалось, что в результате альтернативного решения, т.е. требования о том, что для осуществления судом юрисдикции необходимо заявление о признании, будущая судьба суда будет находиться в руках государств, от усмотрения которых будет зависеть способность суда функционировать. Была выражена озабоченность в связи с тем, что такой подход, помимо того, что он позволит государствам манипулировать функционированием суда, не будет учитывать интересы международного сообщества, которое не может быть сведено к

общей сумме государств, составляющих его часть, и не будет давать суду играть его роль как гаранта международного публичного порядка. Что касается аргумента о том, что имманентная юрисдикция вступает в противоречие с принципом комплементарности, то указанные делегации подчеркнули, что имманентная юрисдикция не является исключительной юрисдикцией и что суд будет обладать параллельной юрисдикцией, т.е. он будет вмешиваться лишь тогда, когда на основе критериев, четко определенных в уставе, окажется, что национальные суды не могут функционировать надлежащим образом. В этом контексте отмечалось, что воздействие принципа комплементарности может самое большее привести лишь к отсрочке вмешательства суда, в то время как отказ от концепции имманентной юрисдикции приведет к тому, что суд вообще *ab initio* не сможет рассмотреть то или иное дело. Что касается возможных юрисдикционных коллизий, то указывалось, что в устав можно было бы включить соответствующие положения.

94. Несколько делегаций поддержали подход Комиссии международного права к вопросу об имманентной юрисдикции, отраженный в статье 21 8/. Однако некоторые делегации выразили мнение о том, что этот подход не согласуется с Конвенцией по геноциду 1948 года, а, по мнению других, он является чересчур ограничительным.

95. Что касается первого комплекса критических замечаний, то указывалось, что Конвенция 1948 года, участниками которой является большинство государств, не предусматривает имманентной юрисдикции и что возникает вопрос о том, обладает ли Комитет компетенцией заниматься прогрессивным развитием соответствующих норм материального права. Далее отмечалось, что в Конвенции предусматривается возможная юрисдикция международного уголовного суда в отношении геноцида лишь в гипотетическом случае, когда национальные власти не осуществляют уголовное преследование; жалоба какого-либо государства - участника Конвенции сама по себе не может служить механизмом задействования юрисдикции международного уголовного суда. Поэтому было выдвинуто предложение о том, что суд должен иметь право на осуществление юрисдикции в отношении геноцида лишь в том случае, если в течение определенного периода времени с момента свершения преступления ни одно государство не возбудило процесс расследования. Кроме того, было поставлено под сомнение лежащее в основе подхода Комиссии международного права предположение о том, что национальные суды будут иметь меньше возможностей или находиться в менее благоприятном положении в отношении уголовного преследования за преступление геноцида.

96. В ответ на эти замечания было высказано соображение о том, что в соответствующей Конвенции не только было подтверждено почти 50 лет назад уже признанное понятие о том, что геноцид является преступлением по общему международному праву, но и предусматривается в статье 6 создание международного уголовного суда, обладающего компетенцией привлекать к уголовной ответственности за это преступление. В этом контексте было выражено мнение о том, что реализации буквы и духа действующих договоров, которые содержат в себе нормы общего международного права, можно было бы уделить столь же приоритетное внимание, что и разработке новых норм и что сложно понять, как могут быть достигнуты цели Конвенции 1948 года, если суд не будет наделен имманентной юрисдикцией.

97. Согласно второму комплексу критических замечаний, подход Комиссии является чересчур ограничительным и имманентная юрисдикция должна охватывать не только геноцид, но и другие преступления по общему международному праву. Отмечалось, что такое расширение сферы охвата имманентной юрисдикции имеет менее далеко идущие последствия, чем это может представляться, поскольку, для того чтобы суд обладал юрисдикцией над соответствующими преступлениями, участниками устава должны быть государство, подавшее заявление, государство территориальной юрисдикции и государство места содержания под стражей. Поддерживая предложенный новый подход, несколько делегаций сослались на тяжесть так называемых "основных преступлений" и желательность включения их в сферу охвата имманентной юрисдикции, для того чтобы новое учреждение обеспечивало адекватную судебную реакцию на озабоченность, для учета которой оно

было создано. В этой связи указывалось, что подход Комиссии отстает от современных требований и приводит к несостоятельным с юридической точки зрения результатам, поскольку он создает возможность исключения из юрисдикции суда преступлений, которые представляют собой нарушение юридических норм высшего порядка, а именно норм императивного характера, и, следовательно, возможность создания изъятия из императивной нормы. Кроме того, выдвигался аргумент о том, что распространение сферы охвата имманентной юрисдикции на иные, чем геноцид, преступления, позволит упростить нормы, касающиеся осуществления юрисдикции, и в случае соответствующих преступлений отказаться от требований, связанных с заявлением о признании. В этом контексте высказывалось замечание о том, что требование о согласии государства в качестве одного из элементов основы международной юрисдикции обычно влекло за собой несколько отдельных разбирательств в отношении только самого вопроса о юрисдикции и что имманентная юрисдикция ограничит возможность несколько раз оспаривать компетенцию суда, в частности в отношении толкования в каждом конкретном случае положений статьи 22, и тем самым будет способствовать уменьшению значительных задержек в ходе судебного разбирательства. Кроме того, был подчеркнут тот факт, что более 185 стран уже обладают юрисдикцией над серьезными вызывающими международную озабоченность преступлениями, рассматриваемыми Конвенцией 1948 года; таким образом, универсальной юрисдикцией уже обладает каждое государство в мире и вопрос заключается в том, следует ли ей также наделять справедливый, честный и эффективный международный суд, о создании которого могут договориться государства посредством подписания его устава.

98. Делегации, поддерживающие предложенный новый подход, в общем согласились с тем, что имманентная юрисдикция должна распространяться на преступления против человечности и военные преступления, причем, как предполагается, последняя категория должна охватывать, по мнению нескольких делегаций, не только серьезные нарушения законов и обычаев войны, но и преступления по Женевским конвенциям 1949 года. Несколько делегаций решительно высказались в пользу включения агрессии в две вышеупомянутые категории преступлений. Другие делегации придерживались иного мнения. Мнения по этому вопросу отражены более подробно в пунктах 63-71 выше.

99. Несколько делегаций, резервируя свою позицию по этому вопросу, выразили готовность предусмотреть имманентную юрисдикцию в отношении "основных преступлений" при условии включения в устав удовлетворительных положений о комплементарности.

100. Другие делегации выступили против распространения сферы охвата имманентной юрисдикции на иные, чем геноцид, преступления. В частности, отмечалось, что, хотя проект, подготовленный Комиссией международного права, является основным предложением на рассмотрении Комитета, в результате обсуждений появилась альтернативная модель, которая не учитывает современные реалии на международном уровне. Было высказано мнение, что предположение о том, что государства согласятся, подписав договор, передать суду обязательную юрисдикцию в отношении "основных преступлений", является весьма сомнительным, и была выражена озабоченность в связи с тем, что, когда вопрос о ратификации устава будет рассматриваться национальными парламентами, очень небольшое число правительств согласится на такую обязательную юрисдикцию. В этом контексте указывалось на уроки, которые необходимо извлечь из опыта признания обязательной юрисдикции Международного Суда. Кроме того, указывалось, что вопрос о суверенитете, поднятый во время обсуждений, невозможно отвести, предусмотрев единственное выражение согласия во время признания устава, и что, для того чтобы членский состав суда имел необходимую широкую географическую основу, необходимо должным образом учесть озабоченность всех регионов.

101. Сторонники распространения сферы охвата имманентной юрисдикции на "основные преступления" указали, что следствием такого распространения может стать исключение из предметной юрисдикции суда преступлений, указанных в договорах, и что этот подход способствовал бы достижению цели, заключающейся в обеспечении комплементарности. Однако

они не исключали возможности сохранения последней категории преступлений и распространения на них юрисдикции суда посредством заявления о признании на основе "неавтоматической" или "автоматической" системы.

b) Механизм признания государствами юрисдикции суда

102. Что касается проведенного в статье 22 различия между признанием устава и признанием юрисдикции суда, то были выражены оговорки в отношении "неавтоматического" подхода, который, как было заявлено, имеет слишком консервативный уклон в ущерб интересам международного сообщества и может оставить суду очень узкую область компетенции и, таким образом, противоречить общей цели устава. Однако некоторые делегации высказали предпочтение "неавтоматическому" подходу, который способствовал бы более широкому признанию устава и облегчал бы представление национальным законодательным органам убедительных аргументов в каждом конкретном случае. Несколько делегаций высказались в поддержку принятия "автоматического" подхода в отношении "основных преступлений" при сохранении "неавтоматического" подхода в отношении менее тяжких преступлений и преступлений, которые будут включены в юрисдикцию суда впоследствии. Указывалось, что такое сочетание позволит наделить суд юрисдикцией с разумной сферой охвата и теснее увязать ее с нынешними потребностями международного сообщества. Кроме того, высказывалось предложение о том, что в статье 22 следует более четко указать, является ли ратификация соответствующего договора одним из предварительных условий для признания соответствующей юрисдикции суда.

c) Требования, касающиеся согласия государства, и условия для осуществления юрисдикции

103. Некоторые делегации считают, что положения пункта 1b статьи 21 хорошо сбалансированы и согласуются с юрисдикцией суда, основанной на получении согласия. Другие делегации полагают, что для того чтобы не ограничивать необоснованно деятельность суда, требование о получении согласия должно распространяться только на государство, на территории которого было совершено преступление, поскольку именно оно особо заинтересовано в судебном преследовании в конкретном случае, или на государство места содержания под стражей, согласие которого необходимо для того, чтобы суд получил разрешение на заключение обвиняемого под стражу. Третья же группа делегаций считает, что требования, касающиеся согласия, должны распространяться также на другие государства, которые могут быть весьма заинтересованы в судебном разбирательстве по тому или иному случаю, включая государство, гражданином которого является жертва, государство, гражданином которого является обвиняемый, а также государство, против которого было направлено преступление. Предлагалось также учитывать интересы государств в особых категориях случаев и необходимость заручиться согласием государства места содержания под стражей в момент ареста. Было высказано мнение о том, что эти положения потребуются рассматривать в будущем в связи с положениями статьи 20 и пункта 1a статьи 21.

104. Ряд делегаций подчеркнул, что по причинам практического порядка необходимым является только согласие государства, на территории которого было совершено преступление, или государства места содержания под стражей, как это предусмотрено в статье 21. Они высказались за сведение к минимуму числа государств, согласие которых может быть необходимо для осуществления юрисдикции международным уголовным судом. Они отметили, что международный уголовный суд не может вести эффективное разбирательство без сотрудничества государства территориальной юрисдикции. Не может вестись разбирательства и в том случае, если обвиняемый не выдан суду государством места содержания под стражей. Далее было отмечено, что согласно общему международному праву именно государство места содержания под стражей, в основном, определяет, кому следует вести процесс. Необходимо определить, какую часть этого правомочия государство места содержания под стражей должно уступить международному уголовному суду.

105. Требование о согласии государства, гражданином которого является обвиняемое лицо, было сочтено некоторыми делегациями необходимым не только потому, что некоторые государства на

основе конституции не могут выдавать своих граждан, но также и потому, что может возникнуть ненормальность, если в суд будет подана жалоба против какого-то лица на основании лишь принятия юрисдикции суда государством места содержания под стражей и государством, на территории которого было совершено преступление, хотя принятие юрисдикции государством гражданства обвиняемого, по отношению к которому обвиняемый сохраняет лояльность и которое осуществляет над ним юрисдикцию, не потребуется. Другие делегации высказали мнение о том, что требование согласия государства, гражданином которого является обвиняемый, осложнит осуществление юрисдикции международным уголовным судом в случае дел о множественных правонарушениях.

106. Было также отмечено, что в случае международного конфликта неприемлемо передавать весь контроль государству, на территории которого совершено преступление, поскольку оно может оказаться лишь одной стороной в конфликте. Однако в случае терроризма интересы государства, против которого направлен этот политический акт, также учитываются.

107. Было также высказано замечание о том, что вопрос о согласии государства следует рассматривать с точки зрения общей цели планируемого суда: позволить государствам осуществлять юрисдикцию над лицами, совершившими конкретное преступление, и поощрять их к этому. Только в тех случаях, когда такие государства не могут осуществить юрисдикцию, следует вмешиваться международному уголовному суду. По мнению ряда делегаций, такой подход соответствует принципу дополняемости.

108. По пункту 2 статьи 21 было высказано мнение о том, что государство, обращающееся с просьбой, или передающее государство, которое имеет право добиваться юрисдикции согласно договору о выдаче или соглашению о статусе сил, соответственно, должно иметь возможность воспрепятствовать осуществлению судом его юрисдикции даже в случае, когда государство места содержания под стражей отказалось удовлетворить просьбу о выдаче подозреваемого. Вместе с тем высказывалось мнение о том, что правовая основа для выдвижения требования о таком согласии весьма сомнительна; что необходимо обратить внимание на ситуации, когда просьба о выдаче отклоняется без всяких юридических обоснований или используется как предлог для выдвижения требования о получении согласия государства, обращающегося с такой просьбой; и что необходимо более тщательно рассмотреть все запутанные вопросы соглашений о статусе сил. Следует постараться сделать так, чтобы не установить для государств противоречивые обязательства.

109. Было высказано мнение о том, что положения статьи 35 следует рассматривать как предварительные условия для осуществления судом юрисдикции во всех случаях, а не как дискреционные полномочия, которые суд должен осуществлять в некоторых ситуациях. Предлагалось более четко зафиксировать принцип дополняемости в виде предварительного условия, которое гарантировало бы невмешательство суда в законную деятельность национальных властей по расследованию или неосуществлению им своей юрисдикции в случае, когда государство готово и способно сделать это, в том числе в соответствии с двусторонними договорами о выдаче или соглашениями о статусе сил. По поводу дополняемой роли суда предлагалось также предоставить национальным судам приоритет в случаях нарушений международного гуманитарного права и предполагаемых преступлений вооруженных сил соответствующих стран, задействованных в операциях Организации Объединенных Наций. Были также следующие комментарии:

- a) предлагалось изменить формулировку подпункта a таким образом, чтобы предусмотреть неприемлемость того или иного случая, если государство провело по нему должное расследование или если нет никаких оснований полагать, что решение этого государства не возбуждать уголовное дело не вполне обоснованное;
- b) предлагалось изменить формулировку подпункта c статьи 35 таким образом, чтобы она соответствовала формулировке второго пункта преамбулы;
- c) основания, вытекающие из принципа *non bis in idem* (статья 42, пункт 2), а также из нормы о неизменности условий (статья 55), следует включить в перечень оснований для неприемлемости; и
- d) следует считать неприемлемыми также сутяжнические иски, суть которых состоит в злоумышленном использовании процесса судебного разбирательства во вред другой стороне

или в несправедливом судебном преследовании, в свете таких обстоятельств, как возраст или плохое состояние здоровья обвиняемого.

110. Было отмечено, что проект устава предусматривает две формы согласия: государство может согласиться с юрисдикцией международного уголовного суда посредством заявления, имеющего общее применение, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 22, или посредством специального заявления, как это предусмотрено в пункте 2 статьи 22. Было указано, что проект устава не рассматривает третью форму согласия: согласия в отношении конкретных преступлений. Как было замечено, смежным, но не рассмотренным вопросом в этом отношении является вопрос, является ли согласие государства предварительным условием преследования международным уголовным судом конкретного преступления и является ли такое согласие одним из факторов и элементов, подлежащих рассмотрению судом при определении, следует ли ему осуществить юрисдикцию или уступить ее государству. В этой связи было высказано замечание о том, что в проекте устава следует провести различие между согласием возбуждать разбирательство и согласием осуществлять юрисдикцию, поскольку согласие осуществлять юрисдикцию не всегда может быть равноценно согласию возбуждать разбирательство в том или ином конкретном случае.

111. Далее было отмечено, что, поскольку согласие подразумевает сотрудничество, следует рассмотреть различные ситуации. Согласие государства территориальной юрисдикции может и не иметь решающего значения при некоторых обстоятельствах, например в случае операций по поддержанию мира или военной оккупации. Существуют также и другие ситуации, например состояние войны между двумя государствами, причем одно и то же государство одновременно является государством места содержания под стражей, государством территориальной юрисдикции и государством, гражданином которого является обвиняемый.

d) Механизм задействия

112. Что касается заявления, рассматриваемого в соответствии со статьями 21 и 25 как механизм задействия, то ряд делегаций высказали мнение, что любое государство - участник устава должно иметь право подавать прокурору заявление в отношении таких считающихся серьезными согласно общему международному праву преступлений, которые затрагивают международное сообщество в целом и о которых говорится в подпунктах a-d статьи 20. Было также высказано мнение о том, чтобы заявления в отношении преступления геноцида, рассматриваемого как преступление согласно нормам общего международного права, могли подаваться не только государствами - участниками соответствующей конвенции. Однако было также выражено мнение, что только соответствующее государство, прямо заинтересованное в расследовании и имеющее возможность представить соответствующие документы или другие доказательства, должно иметь право подавать заявления, а именно государство, на территории которого совершено преступление, государство места содержания под стражей или государство, гражданином которого является жертва или подозреваемый, для того чтобы избежать больших расходов по проведению длительных расследований по несерьезным, политически мотивированным или необоснованным заявлениям. Предлагалось также заручаться согласием группы государств, соразмерной числу государств, признавших юрисдикцию суда, до начала прокурорского расследования или сразу после установления соответствующих государств, чтобы не тратить усилия на расследование случаев, в отношении которых суд будет не в состоянии осуществить свою юрисдикцию. Предлагалось также, чтобы подавать заявление могло государство-участник соответствующей конвенции и оплачивало бы часть расходов по судебным разбирательствам. Ряд делегаций выступил против этого предложения. Предлагалось далее, что подача заявления должна автоматически предоставлять суду юрисдикцию, без уведомления соответствующих государств и без выяснения вопроса о том, желает ли и может ли какое-либо государство эффективно провести расследование и возбудить преследование.

113. Ряд делегаций высказали мнение, что следует более подробно разработать вопрос о сфере компетенции прокурора и расширить ее путем включения возможности возбуждения расследования или уголовного преследования в случае серьезных согласно общему международному праву

преступлений, вызывающих озабоченность международного сообщества в целом, в случае отсутствия заявления. Эти делегации придерживались той точки зрения, что расширенная таким образом сфера компетенции укрепит независимость и самостоятельность прокурора, который сможет вести дело от имени международного сообщества, а не только на основании того или иного конкретного государства-заявителя или Совета Безопасности. В этой связи внимание было обращено на ограниченную роль, играемую заявлениями государств в контексте некоторых конвенций в области прав человека. Упомянулось также и о более заметной роли прокурора специальных трибуналов, который уполномочен возбуждать расследование *ex officio* или на основе информации, полученной из любого источника, включая государства, международные организации и неправительственные организации.

114. Высказывались различные суждения по вопросу о том, будет ли соответствовать предлагаемая расширенная компетенция прокурора функциям прокуратуры, предусмотренным в статье 12 проекта устава, которые сходны с соответствующими положениями уставов специальных трибуналов. Предлагалось рассмотреть вопрос о последствиях признания за прокурором таких функций для других положений проекта устава, в частности относящихся к вопросу об определении условий допустимости дела к разбирательству в соответствии со статьей 35. Имели место расхождения во мнениях и по вопросу о том, вправе ли прокурор возбуждать расследование в отсутствие заявления государства: одни утверждали, что отсутствие такого заявления служит указанием на то, что преступление не является достаточно серьезным или не вызывает обеспокоенности международного сообщества; другие считали, что это может означать, что соответствующие государства неспособны или не хотят разбирать дело.

115. По пункту 3 было высказано мнение о том, что "порог" для начала расследования слишком низок, поскольку государство может подавать заявление, не проводя никакого расследования или не представляя никаких доказательств, и что Прокурор не имеет достаточного дискреционного права определять, следует ли суду начинать расследование, не передавая дело подозреваемого для расследования в национальный суд. Что касается статьи 26, то было высказано мнение о предъявлении более высоких требований к началу расследования по получении заявления, или же чтобы прокурору были даны более широкие полномочия по определению того, следует ли начинать расследование.

116. В отношении статьи 27 было высказано замечание, что правомочие прокурора подавать обвинительные заключения на основании этой статьи требует дальнейшего рассмотрения с учетом принципа комплементарности.

117. Высказывалось также мнение о том, чтобы разрешить жертвам преступлений или их родственникам прибегать к юрисдикции суда в случае соблюдения трех критериев, а именно: а) эти преступления подпадают под юрисдикцию суда; б) государство территориальной юрисдикции является участником устава и признало юрисдикцию суда в отношении данного преступления; с) суд уполномочен возбуждать расследование или уголовное преследование в соответствии с принципом комплементарности. В этой связи было замечено также, что в рамках суда следует учредить специальную комиссию для рассмотрения заявлений, подаваемых физическими лицами, и разрешения до возбуждения каких-либо дальнейших действий вопроса о том, удовлетворяет ли заявление необходимым критериям, с тем чтобы не перегружать суд. Высказывалось мнение о том, что было бы, вероятно, целесообразным рассмотреть возможность создания разных механизмов задействования для разных категорий преступлений. Было также высказано мнение, что этот пункт требует дальнейшей проработки в контексте уместности концепции так называемой имманентной юрисдикции.

119. Ряд делегаций подчеркнули взаимосвязь между вопросом о механизме задействования в целях осуществления юрисдикции и такими другими вопросами, как значение требований, касающихся

согласия государства, а также вопросом о том механизме, с помощью которого государства будут извлекать свое согласие.

е) Роль Совета Безопасности

120. В отношении пункта 1 статьи 23 проекта устава ряд делегаций выразил мнение, что Совет Безопасности следует уполномочить передавать суду дела, с тем чтобы устранить необходимость создания дополнительных трибуналов *ad hoc* и повысить эффективность суда путем передачи дел на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций. Отведенная Совету Безопасности роль, как было отмечено, соответствует его главной ответственности за поддержание международного мира и безопасности и его существующим полномочиям согласно Уставу, как об этом свидетельствует практика последнего времени. Было отмечено, что Совет будет просто передавать суду для рассмотрения общий вопрос или ситуацию, а не дело против какого-либо конкретного лица, что позволит обеспечить независимость и самостоятельность суда при осуществлении его следственных, обвинительных и судебных функций. В этом плане было отмечено функционирование двух трибуналов *ad hoc*, учрежденных Советом Безопасности. Было высказано мнение, что вмешательство Совета Безопасности для задействования юрисдикции суда согласно рассматриваемому пункту будет иметь особое значение в том случае, если эта юрисдикция будет распространяться только на наиболее серьезные преступления, которые могут угрожать международному миру и безопасности. Было отмечено, что положения этого пункта могут помочь решить вопрос о распространении юрисдикции суда на несколько преступлений, предусмотренных в договорах, в частности террористические акты. Было также заявлено, что устранение роли Совета, как предполагается в этом пункте, потребует установления более сложного режима согласия государств, в результате чего возникает дополнительная проблема зависимости от политических целей отдельных государств, а не от коллективного решения Совета Безопасности. Были высказаны различные мнения относительно того, должно ли направление дела Советом Безопасности устранять необходимость в согласии государств, как это предполагает фраза "вне зависимости от положений статьи 21", а также комментарий к этой статье. Был также поднят вопрос относительно последствий передачи дела Советом Безопасности в плане возможного верховенства юрисдикции суда и параллельной юрисдикции национальных судов в соответствии с принципом комплементарности, при этом внимание было обращено на уставы трибуналов *ad hoc*.

121. Несколько других делегаций заявили серьезные оговорки или возражения по поводу отводимой Совету Безопасности роли, поскольку это, по их мнению, подрвет доверие и моральный авторитет суда; чрезмерно ограничит его роль; нанесет ущерб его независимости, беспристрастности и самостоятельности; привнесет в деятельность этого органа неуместное политическое влияние; возложит на Совет Безопасности дополнительные полномочия, которые не предусмотрены в Уставе; и позволит постоянным членам Совета Безопасности осуществлять право вето в отношении работы суда. Необходимость отведения Совету Безопасности какой-либо роли в отношении постоянного суда была также подвергнута сомнению на том основании, что государства - участники Устава будут задействовать юрисдикцию суда путем подачи заявлений, а прокурор при этом будет выполнять как бы функцию фильтра или отборочного механизма в отношении необоснованных заявлений. Было замечено также, что необходимо провести разграничение между трибуналами *ad hoc*, учрежденными Советом Безопасности согласно главе VII, и будущим постоянным судом, который будет учрежден на основе согласия государств - участников его устава.

122. В отношении пункта 2 статьи 23 некоторые делегации заявили, что отведенная Совету Безопасности роль вполне уместна и необходима ввиду статьи 39 Устава. Была подчеркнута необходимость проведения четкого разграничения между установлением факта агрессии в отношении какого-либо государства Советом и установлением индивидуально-уголовной ответственности судом, а также учета различий между мандатами, которые должны осуществляться этими двумя органами независимо друг от друга. В этой связи было отмечено, что суд не должен иметь возможность подвергаться сомнению или противоречить выводам Совета Безопасности. Были высказаны разные

точки зрения относительно той степени, в какой суду следует разрешить рассматривать заявления обвиняемого относительно самообороны, поскольку выводы Совета Безопасности согласно статье 39 будут иметь четкие последствия в отношении статьи 51 Устава.

123. Другие делегации выразили серьезные опасения по пункту 2. В частности, было заявлено, что судебные функции суда будут необоснованно ограничены в плане определения наличия преступления агрессии, а также возражений, которые могут рассматриваться в связи с вопросом об индивидуальной уголовной ответственности; будет нанесен ущерб независимости и беспристрастности суда, из-за того что он будет зависеть от выводов политического органа; выполнение судом своих функций в отношении преступления агрессии может быть парализовано в результате осуществления права вето одним из постоянных членов Совета Безопасности; работа суда в плане расследования и преследования в отношении преступления агрессии также может быть блокирована или задержана в результате того, что Совет Безопасности не сделает прямого вывода относительно агрессии. Было также упомянуто, что пункт 2 статьи 23 в любом случае будет излишним, если статья 20 не будет охватывать преступление в агрессии. Было отмечено также, что невозможно найти аналогичного пункту 2 положения в отношении Международного Суда - ни в Уставе Организации Объединенных Наций, ни в его Статуте. Некоторые делегации заявили, что пункт 2 следует исключить, а вместе с ним и пункт b статьи 20 9/.

124. По мнению некоторых делегаций, пункт 3 необходим для предотвращения риска вмешательства в реализацию Советом Безопасности его главной ответственности за поддержание международного мира и безопасности согласно статье 24 Устава, при этом внимание было обращено на приоритет, установленный в отношении Совета в этой связи согласно статье 12 Устава. Было замечено, что роль Совета Безопасности в области поддержания международного мира и безопасности в отдельных ситуациях может заслонить судебные функции Международного Суда.

125. Другие делегации заявили серьезные оговорки в отношении прерогатив, возлагаемых на Совет Безопасности статьей 23 проекта устава касательно деятельности суда, учитывая политический характер упоминаемого органа. В частности, было отмечено, что судебные функции суда не должны зависеть от решений политического органа. Опасения были высказаны также в плане того, что суд может быть лишен возможности выполнять свои функции просто путем включения какого-либо пункта в повестку дня Совета и может быть парализован в течение длительного периода времени, пока Совет будет активно рассматривать конкретную ситуацию или сохранять этот пункт в своей повестке дня для возможного рассмотрения в будущем. Необходимость в этом положении была также подвергнута сомнению на том основании, что в отношении Совета Безопасности не устанавливается аналогичного приоритета согласно статье 12 Устава в плане судебных решений по правовым вопросам, которые должен выносить Международный Суд.

126. Третья группа делегаций выразила мнение, согласно которому нынешний текст чересчур расплывчат и его следует переработать, прямо указав, что данный пункт применяется только к случаям, когда Совет принимает решение в отношении конкретной ситуации, как указывается в комментарии к этой статье. Дальнейшего рассмотрения, как было отмечено, требуют и другие вопросы, а именно: критерии или метод определения того, когда следует считать, что Совет Безопасности активно занимается рассмотрением конкретной ситуации для целей пункта 3 или реализует свою ответственность в этом отношении; вопрос о том, должен ли этот пункт применяться к ситуациям, когда Совет Безопасности реализует свою ответственность согласно так называемой "главе VI с половиной", а также главе VII; связь между указанным пунктом и пунктом 1; и последствия реализации Советом Безопасности своей ответственности в отношении конкретной ситуации после того, как суд начал расследование или судебное разбирательство в отношении той же ситуации.

f) Срок исковой давности

127. По мнению некоторых делегаций, вопрос о сроках исковой давности за преступления, относящиеся к юрисдикции суда, должен трактоваться в Уставе с учетом различий национальных законодательств и значения связанного с этим правового принципа, поскольку в обществе наблюдается снижение интереса к наказанию преступников и с течением времени возрастают трудности в проведении справедливого судебного разбирательства. Однако другие делегации поставили под сомнение применимость срока исковой давности к рассматриваемым видам тяжких преступлений и обратили в этой связи внимание на Конвенцию 1968 года о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности.

D. Методы работы: надлежащая процедура

128. Ниже приводится изложение основных вопросов по части 4 (Расследование и уголовное преследование), 5 (Судебное разбирательство) и 6 (Обжалование и пересмотр) проекта устава, обсуждавшихся на заседании Специального комитета 6 апреля 1995 года. В нем отражены лишь высказанные в ходе этого обсуждения мнения и предложения, которые представляются без ущерба для письменных замечаний по проекту устава, содержащиеся в документе A/AC.244/1 и Add.1-4, а также для замечаний, отраженных в документе A/CN.4/464/Add.1, и других мнений и предложений, с которыми могут выступить делегации.

1. Общие замечания

129. Было отмечено, что вопрос о методах работы не ограничивается технической проблематикой и затрагивает основополагающие аспекты предлагаемого органа. Было сочтено исключительно важным принимать во внимание то, что, во-первых, с учетом широких полномочий, которые будут возложены на суд в отношении физических лиц, он обязан применять самые высокие стандарты правосудия, добросовестности и надлежащей судебной процедуры; во-вторых, требование в отношении надлежащей судебной процедуры имеет особое значение применительно к обвиняемым, участвующим в разбирательствах вне пределов страны проживания, в связи с чем возникают трудности в плане представления доказательств и свидетелей; и, в-третьих, прецеденты будут либо немногочисленными, либо отсутствовать вообще. Упор был сделан на необходимость того, чтобы регламент суда был разработан не судьями, а государствами, и в конечном счете принят государствами-участниками устава.

130. Было отмечено, что в ходе разработки устава Комиссия международного права опиралась на практику общего права. С учетом того, что в суде будут представлены как система континентального права, так и система общего права, было выражено мнение, что необходимо надлежащим образом отразить обе эти системы в уставе, а также в регламенте суда.

131. По всей видимости, было достигнуто общее согласие по поводу того, что статьи, касающиеся надлежащей процедуры, в том виде, в каком они сформулированы КМП, послужили полезной основой для дальнейших обсуждений. Вместе с тем, как выяснилось в ходе прений, необходимо продолжить доработку этих статей, а также работу в связи с правилами доказывания и процедуры и определить, не следует ли разрабатывать такие правила в увязке с самим уставом. Ссылаясь на намерение, выраженное в третьем пункте преамбулы устава, согласно которому "суд призван дополнять национальные системы уголовного правосудия", ряд делегаций подчеркнули трудности, связанные с установлением соответствующих взаимоотношений между судом и национальными органами власти для целей осуществления положений устава о надлежащей процедуре.

132. В целом было признано, что часть 4 "Расследование и уголовное преследование" следует тщательно переработать, с тем чтобы обеспечить, в частности, надлежащий сбалансированный учет двух аспектов, а именно эффективности уголовного преследования и уважения прав подозреваемого или обвиняемого. Подчеркивалась необходимость того, что положения о надлежащей процедуре должны быть сформулированы таким образом, чтобы обеспечивалось применение норм,

содержащихся в соответствующих документах, касающихся прав человека. Была выражена некоторая обеспокоенность, особенно в связи со статьями 28, 30 и 46, по поводу того, что устав в значительной степени основывается на системе общего права, хотя система гражданского права могла бы обеспечить более надежную защиту подозреваемого или обвиняемого на раннем этапе расследования или уголовного преследования.

133. Отмечалось, что ряд вопросов, в частности о полномочиях президиума, не ограничивается одной статьей, и их необходимо проанализировать на всеобъемлющей основе. Было высказано также замечание по поводу того, что роль Совета Безопасности в соответствии с частью 4, например в связи с пунктом 4 статьи 25 и пунктом 5 статьи 26, будет зависеть от характера и масштабов юрисдикции суда, которая должна быть определена в части 3 проекта устава. Кроме того, внимание было обращено на вопрос о сложной взаимосвязи между обязанностями суда и обязанностями национальных органов власти и их распределении, который требует дальнейшего анализа в контексте нескольких статей, в том числе статей 28, 29, 35, 38 и 42.

2. Конкретные вопросы

Статья 25

134. Было высказано общее замечание по поводу того, что точная формулировка этой статьи должна быть определена с учетом результата обсуждения вопроса о юрисдикции суда в соответствии с частью 3.

135. Было высказано предложение о том, что право на подачу заявлений согласно этой статье должно предоставляться лишь определенному минимальному числу государств, а не отдельным государствам.

136. Несколько делегаций придерживались мнения о том, что пункт 3 необходимо дополнительно проанализировать, с тем чтобы предотвратить подачу необоснованных дел или дел, представляемых исключительно по политическим мотивам. В этой связи было предложено исключить фразу "насколько это возможно".

Статья 26

137. Было высказано замечание по поводу того, что необходимо внимательно проанализировать вопрос о взаимосвязи между расследованиями, проводимыми в соответствии с национальными процедурами, и расследованиями, осуществляемыми в соответствии с упомянутой статьей, применительно к одним и тем же деяниям. В этой связи было обращено внимание на актуальность вопросов, затронутых в статье 35.

138. Было выражено мнение о том, что в ходе расследования предполагаемых преступлений согласно пункту 2 в вопросах, касающихся международной судебной помощи, прокурор должен действовать в соответствии с установленной практикой. Особая обеспокоенность была выражена в связи с положением, дающим прокурору право проводить дознание на месте; было высказано мнение о том, что это положение необходимо привести в соответствие со сложившейся практикой сотрудничества и судебной помощи, а также с конституционными требованиями ряда государств.

139. Некоторые делегации выразили мнение о том, что пункты 3 и 5 лишний раз служат примером наделения президиума слишком широкими полномочиями и что их необходимо дополнительно проанализировать, с тем чтобы обеспечить их полную согласованность с принципом "взаимодополняемости". Был задан вопрос о том, не следует ли предусмотреть гарантии в отношении прав свидетелей.

140. Что касается пункта 4, то было предложено дать пояснения в отношении пределов полномочий прокурора по принятию решения не возбуждать уголовное преследование с учетом, в частности, вопросов недопустимости, рассматриваемых в связи со статьей 35. Было выражено общее мнение в отношении того, что аналогичные проблемы возникли в связи с положениями пунктов 1 и 4 статьи 27, касающимися подачи, подтверждения или изменения обвинительного заключения.

141. Что касается пункта 5, то некоторыми делегациями отмечалось, что государства - стороны устава, приняв юрисдикцию суда, должны иметь возможность участвовать в пересмотре решения прокурора.

142. Были высказаны сомнения в отношении пункта 6. В частности, спрашивалось, не выходит ли подпункт a (i) за пределы того, что является строго необходимым, и не должен ли подозреваемый иметь право быть проинформированным в отношении выдвигаемого против него или нее обвинения, а также является ли уместным подпункт b. Было отмечено, что эти вопросы касаются также статьи 43.

Статья 27

143. Значительное число делегаций выразили озабоченность в связи с широкими полномочиями Президиума в отношении обвинительных заключений. Было выражено мнение о том, что эти полномочия подрывают независимость прокурора.

144. Особо была подчеркнута необходимость разъяснения предоставляемой прокурору свободы действий в отношении подачи обвинительного заключения и его возможного изменения. Было предложено предоставить подозреваемому право быть заслушанным в целях обеспечения того, чтобы изменение обвинительного заключения не нанесло ущерба его или ее правам.

145. В отношении пункта 5 было высказано замечание о том, что следует уделить внимание вопросу о разглашении деликатной информации ввиду возможных негативных последствий. Было указано, что этот же вопрос возникает и в связи с пунктом 4 статьи 38 и пунктом 2 статьи 41.

Статья 28

146. Широко обсуждался вопрос о временном аресте, в связи с которым в центре внимания оказалась сложная проблема разделения обязанностей между судом и национальными судебными системами. Было отмечено, что эта проблема возникает также и в связи со статьей 30. Была выражена озабоченность по поводу допустимой продолжительности содержания под стражей и последствий истечения этого срока, полномочий президиума, адекватности критериев для ареста и последствий освобождения из-под ареста. Кроме того, высказывались сомнения в отношении правовой основы для временного ареста подозреваемого.

Статья 29

147. Что касается этапа, предшествующего суду, то было высказано мнение о необходимости разъяснить характер процессуальных действий, осуществляемых, когда арестованный предстает перед национальным судебным должностным лицом, и объем прав подозреваемого. Был задан вопрос, о том, не следует ли изложить в этой статье конкретные нормы защиты прав подозреваемого. В этой связи был задан вопрос о том, нет ли необходимости отразить в этой статье потребность в более сбалансированном разделении обязанностей между международным уголовным судом и национальными органами власти. Было также обращено внимание на проблемы конституционного характера, с которыми могут столкнуться некоторые государства, а также на трудности практического характера, которые придется преодолевать многим государствам при нынешних формулировках статьи для достижения такого сбалансированного разделения.

148. В связи с последним вопросом были также выражены практические проблемы конституционного характера, особенно в отношении пункта 2.

149. Была выражена обеспокоенность касательно необходимости разъяснить значение "временного ареста" и его отношения к другим формам ареста по всему тексту устава. Было обращено внимание на необходимость сведения до минимума продолжительности содержания под стражей после ареста, а также предусмотреть процедуры рассмотрения заявлений об освобождении.

150. Что касается пункта 3, то было указано, что в связи с положением о временном аресте (статья 28) и в случае освобождения от ответственности (статьи 45 и 50) также возникает вопрос в отношении компенсации.

151. Кроме того, поднимались вопросы, касающиеся права на компенсацию и механизмов компенсации, а также необходимости определения органов власти, которые будут отвечать за выплату компенсации.

152. Кроме того, было высказано мнение о том, что данная статья является недостаточно подробной в отношении процедур, применяемых на предшествующем суду этапе, и было отмечено, что требуются более подробные положения, включая положения, касающиеся ареста, содержания под стражей и ответа перед судебными органами, а также их роли.

Статья 30

153. Обязанности, возложенные на прокурора в пункте 1, вновь затрагивают вопрос о трудностях, связанных с координацией обязанностей международного уголовного суда и национальных органов власти. Особые трудности возникают в свете неопределенности в отношении того, в соответствии с какой юрисдикцией - национальной юрисдикцией или юрисдикцией суда - должен производиться временный арест. Кроме того, вновь было указано, что подозреваемому должно быть вручено обвинительное заключение до его утверждения.

Статья 31

154. Был задан вопрос о том, какие будут предоставлены полномочия в отношении осуществления действий лицам, назначенным для оказания помощи прокурору в уголовном преследовании; было высказано мнение о том, что эта проблема связана с проблемой общих полномочий прокурора, уже упомянутой в пункте 138 выше в связи со статьей 26.

Статья 33

155. Это положение в основном обсуждалось в связи с вопросами, касающимися юрисдикции, и поэтому настоящим документом не охватывается.

Статья 34

156. Была подчеркнута необходимость разъяснить упоминание о "заинтересованном государстве". Разноречивые мнения высказывались в связи со сроками опротестовывания, в частности после начала слушания, а также в отношении locus standi для подачи протестов на этом этапе судебного разбирательства.

Статья 35

157. Данное положение рассматривалось как положение, которое должно четко отразить принцип "дополняемости".

158. Предлагалось перегруппировать в отдельную часть устава различные основания недопустимости, включая те, которые покрываются статьями 42 и 55.

159. Со ссылкой на слово "может" в вступительной фразе настоящей статьи многие делегации высказывались за то, чтобы суд не мог по своему усмотрению принимать решение о допустимости того или иного дела, если основания для такой недопустимости были должным образом определены.

160. Ранее высказывавшиеся просьбы о разъяснении термина "заинтересованное государство" были повторены в контексте настоящей статьи.

161. Отмечалось также, что формулировка данной статьи требует пересмотра в свете статьи 27.

162. В то время как одни делегации рассматривали подпункт a как излишний в свете пункта 1 статьи 26, другие предложили включить дополнительные обоснования недопустимости, такие, как вынесение оправдательного приговора в результате надлежащим образом проведенного судебного разбирательства. Подпункт b рассматривался как проблематичный в том смысле, что его формулировка допускала противоположные толкования. Что касается подпункта c, то был поднят вопрос о праве обвиняемого ставить под сомнение степень тяжести преступления. Высказывалась также точка зрения о том, что этот подпункт можно было бы опустить.

Статья 36

163. Некоторые делегации подняли вопрос о том, должны ли иметь право на заслушивание и другие стороны, в частности при осуществлении государством, гражданином которого является обвиняемый, права на дипломатическую защиту.

Статья 37

164. Правило, заключающееся в том, что обвиняемый должен присутствовать в ходе судебного разбирательства, получило широкую поддержку. По мнению некоторых делегаций, которые ссылались среди прочего на свои конституции, это правило не должно сопровождаться какими-либо исключениями. Для других делегаций исключения должны допускаться только в четко оговоренных обстоятельствах.

165. Некоторые делегации рассматривали пункт 2 в целом как слишком широкий или неточный, однако другие делегации сочли его как поддерживающий надлежащий баланс между правилом и исключениями.

166. Что касается подпункта a, то были высказаны оговорки об уместности ссылки на "плохое здоровье", и был поднят вопрос о том, не свидетельствует ли уже такое основание, по меньшей мере в некоторых случаях, о неспособности присутствовать на судебном разбирательстве 10/. Ставилась также под сомнение целесообразность включения в данный контекст оснований, связанных с безопасностью.

167. Со ссылкой на пункт 4 был поднят вопрос о необходимости создания Палаты по предъявлению обвинений и предлагалось либо совсем исключить этот пункт, либо учредить постоянную палату по предъявлению обвинений, которая возьмет на себя полномочия президиума, например те, которые перечислены в статье 27.

168. Предлагалось также при проведении разбирательства *in absentia* ограничить функцию палаты по предъявлению обвинений протоколированием доказательств. В этой связи была высказана обеспокоенность по поводу последующего использования доказательств и внимание было обращено на желательность обеспечения гарантий для защиты прав обвиняемых. Для некоторых

делегаций эта статья затрагивала также вопрос о праве обвиняемого на юридическое представительство в палате по предъявлению обвинений.

Статья 38

169. Ряд делегаций вновь подтвердили в контексте настоящего положения свою точку зрения о том, что в проекте недостаточно подробно изложены процедурные вопросы и что необходима большая детализация, возможно через судебный регламент.

170. Что касается пункта 1d, то фраза "признает он себя виновным или нет" вызвала критические замечания. Некоторые делегации высказали точку зрения о необходимости более точного разъяснения последствий признания обвиняемым своей вины с учетом различий между системами гражданского и общего права. Было высказано замечание о том, что с учетом тяжести преступлений, подпадающих под юрисдикцию суда, было бы нецелесообразно давать возможность вести переговоры о заключении сделки о признании вины.

Статья 39

171. Внимание было обращено на необходимость более четкого определения концепции применимости договора, с тем чтобы не нарушать принцип *nullum crimen sine lege*. Применительно к преступлениям, предусмотренным положениями какого-либо договора и упомянутыми в пункте 20e, делегации в целом интересовались, необходима ли ратификация договора или присоединение к нему определенного государства для того, чтобы он был применим для целей устава. Был поднят также вопрос о том, остается ли соответствующий договор применимым при передаче обвиняемого суду по смыслу подпункта b, несмотря на тот факт, что этот суд не является участником соответствующего договора.

172. Пункт a затронул проблему неретроактивного применения уголовно-правовых положений и рассматривался как требующий дальнейшего рассмотрения, после того как будет окончательно определена формулировка статьи 20, а также определенного изменения формулировки. Было высказано мнение о том, что квалификация преступления в соответствии с международным правом является, по всей видимости, излишней с учетом ссылки на статью 20a-d.

Статья 41

173. Значительное число делегаций подчеркивали необходимость обеспечить защиту минимальных прав обвиняемого в соответствии со статьей 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

174. Поэтому доказывалась необходимость предусмотреть в соответствии с этой статьей особый режим для несовершеннолетних.

175. Указывалось на исключительную важность вопроса об обязательной юридической помощи ввиду серьезного характера преступлений, передаваемых в компетенцию суда. В этой связи особо указывалось на необходимость установления норм, определяющих квалификацию, полномочия и размер вознаграждения защитников, а также процедуры назначения судом защитников.

176. В связи с пунктом 2 были подтверждены мнения, высказанные в отношении статьи 27 по вопросу ограничений, которые следует установить в том, что касается раскрытия конфиденциальной информации.

Статья 42

177. Многие признали решающее значение принципа *non bis in idem* в вопросе взаимосвязи национальной юрисдикции и юрисдикции суда. Вместе с тем, однако, было высказано мнение о том, что положения статьи 42 в ее нынешней формулировке уже недалеко от того, чтобы подорвать принцип "дополняемости". Были высказаны серьезные сомнения относительно целесообразности предоставления суду полномочий выносить суждения относительно беспристрастности или независимости национальных судов.

178. Представители некоторых стран говорили о том, что это положение порождает конституционные проблемы.

179. В связи с подпунктом a статьи 2 некоторые делегации выразили серьезные оговорки в отношении критерия, основанного на концепции "обычного преступления". Было предложено опустить этот подпункт.

180. Некоторые делегации считают, что формулировки подпункта b слишком расплывчаты и не исключают субъективные оценки.

Статья 43

181. По мнению нескольких делегаций, это положение нуждается в доработке, особенно в том, что касается защиты потерпевших и свидетелей. Указывалось также на необходимость учитывать в этой связи права обвиняемого.

Статья 44

182. Было выражено общее мнение о необходимости дальнейшего изучения положений этой статьи в свете положений устава и/или регламента суда.

183. В отношении пункта 2 высказывалось общее мнение о том, что случаи дачи заведомо ложных показаний должны преследоваться в уголовном порядке Международным уголовным судом, а не национальными судами.

184. Несколько делегаций высказались в поддержку принципа, зафиксированного в пункте 5. Вместе с тем было выражено мнение о необходимости более внимательно изучить вопрос о том, каким образом это положение будет осуществляться на практике, и предлагалось ограничить круг оснований, в соответствии с которыми доказательства могут быть признаны недопустимыми.

Статья 45

185. По пункту 1 несколько делегаций высказали мнение о том, что на всех стадиях судебного разбирательства должно быть обеспечено присутствие всех членов судебной палаты. В связи с пунктами 2 и 5 были высказаны сомнения относительно целесообразности предоставления судьям права высказывать особые или отдельные мнения. В этой связи высказывались разные точки зрения. Отмечалось также, что проблемы, касающиеся кворума и отдельных мнений, возникнут и в связи со статьей 49.

186. В связи с пунктом 3 возникли вопросы о смысле выражения "достаточного времени", а также о том, каковы должны быть последствия неспособности судебной палаты прийти к согласию относительно решения.

Статья 47

187. По мнению многих делегаций, в связи с этой статьей возникает серьезная проблема ее соответствия принципу *nullum poena sine lege*. Большинство указывало на необходимость разъяснить, какие могут устанавливаться максимальные меры наказания за различные виды преступлений. Было высказано также мнение о том, что ввиду серьезного характера преступлений следует четко определить и минимальные меры наказания. Предлагалось также установить критерий выбора надлежащей меры наказания.

188. В связи с пунктом 1 многие делегации поддержали идею исключения смертной казни. Некоторые делегации предлагали даже формулировку положения о таком исключении, одна же делегация предложила включить смертную казнь в перечень возможных мер наказания. Было предложено рассмотреть вопрос об отсрочке мер наказания. Ряд делегаций высказал сомнения об уместности штрафа применительно к серьезным преступлениям, передаваемым в компетенцию суда. Некоторые делегации высказывали также сомнения относительно практической возможности взимания штрафов и задавали вопрос о том, может ли факт неуплаты штрафа служить основанием для вынесения приговора о тюремном заключении. Предлагалось также предусмотреть в Уставе возможность конфискации и возвращения собственности, а также выплаты компенсации пострадавшим.

189. Серьезную озабоченность многих делегаций вызвали положения пункта 2, поскольку в нем не ясно, какое право должно применяться. Высказывалось предложение применять только право государства, на территории которого было совершено преступление; вместе с тем высказывалось предложение применять исключительно право государства, гражданином которого является обвиняемый.

190. Несколько делегаций указывали на необходимость дальнейшего рассмотрения пункта 3. В частности, высказывались серьезные сомнения относительно уместности положений подпунктов a и b.

Статья 48

191. Ряд делегаций усомнился в адекватности предусмотренных в этой статье оснований для апелляции или в необходимости таких оснований.

Статья 49

192. Ряд делегаций высказался за установление сроков подачи апелляций.

Статья 50

193. Был поднят вопрос о том, насколько перечисленные в статье 50 основания для пересмотра позволяют учитывать изменения в соответствующем национальном законодательстве. Высказывалась также озабоченность в связи с тем, что в этой статье нет никаких положений, которые предусматривали бы выплату компенсации несправедливо осужденным в свете положений пункта 6 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

3. Дополнительные замечания

194. Некоторые делегации указывали на необходимость предусмотреть санкции и другие меры, включая компенсацию, в случаях неправомерного поведения обвинителей, судей или других должностных лиц суда.

Е. Взаимоотношения между государствами-участниками, неучаствующими государствами и международным уголовным судом

195. Обсуждение вопросов в рамках данной темы было основано на содержащихся в приложении I к настоящему докладу руководящих принципах, подготовленных рабочей группой (см. пункт 9 выше).

1. Общие вопросы

196. По общему мнению, вопрос о сотрудничестве между государствами и судом неразрывно связан с вопросом о взаимосвязи между приложениями устава и их применением в соответствии с национальным правом, а также с характером и степенью обязательств государств обеспечивать такое сотрудничество. С учетом важности и сложности такой взаимосвязи было предложено дать четкое определение основным элементам необходимого сотрудничества в самом уставе.

197. Было подчеркнуто, что эффективность международного уголовного суда будет во многом зависеть от сотрудничества национальных судебных органов, через которые главным образом будут осуществляться просьбы суда об оказании помощи. Указывалось, что лишь в ограниченном числе случаев, когда национальные судебные органы не могут предоставить такую помощь, встанет вопрос о прямом использовании следственных полномочий суда на территории государства либо самим судом, либо посредством агентов государства, действующих от его имени.

198. Строгое соблюдение принципа взаимодополняемости имеет, как считается, особенно важное значение при определении характера взаимоотношений и взаимодействия между судом и национальными органами. Было далее отмечено, что та роль, которую в этой связи будет играть принцип дополняемости, в конечном счете связана с другими вопросами, например, с общими рамками и характером юрисдикции суда, согласием государств или активизирующим механизмом, которые будут разработаны в уставе.

199. Было высказано мнение о том, что выбор механизма сотрудничества с международным уголовным судом и характер и степень обязательств государств по оказанию помощи будут иметь важное значение не только для вопросов суверенитета и конституционного права многих государств, но и для эффективного функционирования самого суда. Было отмечено, что ни исключительное использование национального законодательства и практики, ни прямое осуществление и выполнение положений устава самим судом не являются рациональным вариантом. Надлежащим вариантом является создание механизма эффективного сотрудничества на основе действующих режимов сотрудничества и судебной помощи с полным учетом требований национальных законов и практики, их корректировкой в необходимых случаях с учетом особого характера сотрудничества между судом и государствами. Была упомянута возможность разработки совершенно нового режима, который бы не основывался на существующих конвенциях о выдаче и оказании правовой помощи.

200. Далее было признано, что различия в национальных законах и процедурах потребуют гибкой схемы, предусматривающей действенные варианты и вспомогательные механизмы для учета различий в национальных требованиях в отличие от жесткой и монолитной структуры. Был вместе с тем задан вопрос о необходимости обеспечения единообразия всех или некоторых форм сотрудничества между судом и национальными органами в рамках взаимосвязи между национальным правом и правом устава. Было также высказано мнение о том, что любые препятствия, возникающие в связи с применением существующих режимов сотрудничества или по соображениям национальных конституционных требований, должны быть четко определены для целей разработки соответствующих механизмов сотрудничества.

201. Что касается степени обязательств государств-участников оказывать помощь, то, по общему мнению, подобные обязательства не могут быть абсолютными, поскольку в соответствии с принципом взаимодополняемости государства будут иметь дискреционные полномочия по принятию решения об удовлетворении или неудовлетворении просьбы суда об оказании помощи. В этой связи была выражена озабоченность в отношении содержащегося в проекте устава предположения о

примате просьб международного уголовного суда о задержании и выдаче лиц над просьбами другого государства. Однако было также высказано мнение о том, что юрисдикция суда должна быть главенствующей во всех случаях наиболее серьезных преступлений, определенных в подпунктах a-d пункта 1 статьи 20.

202. Вместе с тем было отмечено, что основания для отказа соблюдать такие просьбы суда должны быть ограничены минимальным числом, принимая во внимание особый характер юрисдикции суда и серьезный характер преступлений, охватываемых уставом, и что необходимо дать четкое определение таким просьбам в самом уставе. Многие традиционные исключения в отношении выдачи были сочтены ненадлежащими, учитывая вид преступлений, которыми будет заниматься суд.

203. Было признано, что вопрос о коллизии договорных обязательств носит особенно сложный характер. Было указано, что данная проблема будет связана не только с обязательствами государств по действующим договорам о выдаче, но и с обязательствами по соглашениям о статусе сил. Было также отмечено, что различные режимы сотрудничества должны будут применяться к ситуациям, в которых оба государства - участника устава или только одно являются участниками соответствующего договора. Далее было высказано мнение о том, что данный вопрос необходимо решать в контексте решения вопроса о применимом праве и соответствующих функциях суда и государства-опекуна. В этой связи был отмечен тот факт, что в пункте 2 статьи 21 проекта устава упоминается один подход к решению этого вопроса.

204. Была подчеркнута важность роли национальных законов и судов в деле обеспечения гарантий основных прав. Было отмечено, что во многих государствах такие гарантии являются составной частью конституционных требований. Было также отмечено, что в некоторых случаях национальные гарантии защиты прав обвиняемых могут быть более значительными, чем предусматриваемые в международном праве, и были высказаны сомнения в отношении уместности прямого применения установленных судом норм, как это предусмотрено в пунктах 2 и 3 статьи 29 проекта устава в отношении освобождения, освобождения под залог и определения законности ареста. Вместе с тем была подчеркнута необходимость проявлять осторожность, с тем чтобы соблюдение национальных гарантий не стало неоправданным препятствием на пути сотрудничества с судом.

2. Задержание и выдача

205. Было выражено мнение о том, что система задержания и выдачи, предусматриваемая статьей 53 проекта устава, является отходом от традиционного режима сотрудничества между государствами, установленного в соответствии с действующими договорами о выдаче. В частности было отмечено, что в этой статье предусматривается строгая система передачи, в рамках которой, как представляется, не отводится какой-либо значительной роли национальным судам и другим органам в этих вопросах, и что в ней устанавливается презумпция предпочтения просьб о передаче обвиняемых лиц суду перед просьбами государств. Было заявлено, что, хотя можно рассмотреть возможность создания новой системы сотрудничества, отвечающей специальным потребностям суда, для разработки подлинно эффективной системы сотрудничества необходимо полностью учитывать национальные конституционные требования стран, особенно положения, гарантирующие защиту фундаментальных прав лиц, а также принципы и сложившуюся практику в рамках действующих договоров о выдаче.

206. Однако было выражено также мнение о том, что, поскольку юрисдикция суда ограничивается всеми или некоторыми из наиболее серьезных преступлений, определенных в подпунктах a-d статьи 20, практически во всех случаях выдвижения просьб о передаче должен сохраняться примат юрисдикции суда. Далее было отмечено, что в противном случае невозможно гарантировать однородную систему сотрудничества между судом и национальными органами в отношении применения национального права и процедур, а также положений устава. Согласно

этому мнению, в связи с вышеупомянутыми преступлениями юрисдикция суда будет распространяться на всех лиц, арестованных в государстве, которое признало юрисдикцию суда.

207. Было отмечено, что эти два различных подхода к вопросу о выдаче обвиняемых суду предполагают создание двух различных систем сотрудничества в рамках устава: одна представляет собой систему передачи, аналогичную той, которая предложена в проекте устава для тех государств, которые могут и готовы произвести ускоренную передачу, а другая основана на традиционных концепциях выдачи для тех государств, которые в силу конституционных требований не могут произвести ускоренную передачу обвиняемых.

208. Далее было отмечено, что выбор таких концепций, как экстрадиция, выдача и передача представляет собой вопрос, решение которого может иметь весьма различные и далеко идущие последствия в разных государствах. Поэтому было указано на важность того, что какие бы ни были выбраны концепция или число утвержденных систем, необходимо установить список, предпочтительно в статье 53, в котором конкретно указывались бы определенные традиционные ограничения или исключения, которые не могут применяться в связи с просьбами суда о передаче обвиняемых.

209. В связи с вопросами, касающимися задержания, было подчеркнуто, что необходимо учитывать национальные конституционные требования при рассмотрении роли суда и национальных органов в том, что касается ареста обвиняемого лица. По вопросу об ордере на арест, выдаваемым судом, было отмечено, что использование выражения "временный арест" в двух совершенно различных контекстах - в связи с ордером на арест до предъявления обвинения, которое является временным для целей самого суда, и в связи с просьбой о временном аресте до получения официальной просьбы о выдаче обвиняемого суду - создает путаницу и требует уточнения. В отношении временных мер по статье 52 было выражено мнение о том, что, возможно, уместно использование концепции "чрезвычайности".

210. В отношении формы и содержания просьб суда об аресте обвиняемого было предложено обеспечить в некоторой степени большую конкретность содержания этих просьб. Было указано на то, что этот вопрос может иметь особенно важное значение для суда и для государств, к которым обращена просьба, в тех случаях, когда может существовать необходимость в рассмотрении вопросов, касающихся лежащего в основе этой просьбы дела, в качестве судебного подтверждения просьбы о выдаче национальными властями.

211. С особой озабоченностью был отмечен необычайно продолжительный период содержания под стражей до предъявления обвинения, предусматриваемый в пункте 2 статьи 28, поскольку это не соответствует национальным законам многих государств. В этой связи был поднят вопрос о том, действительно ли необходимо в большинстве случаев, чтобы Президиум решал такие вопросы, как вопрос о защите прав обвиняемого, когда в большинстве государств национальные суды также должны уважать эти же права. Было обращено внимание на тот факт, что в национальном суде, в котором обвиняемый практически присутствует с адвокатом и знаком с законами, может быть обеспечена большая степень защиты и понимания прав обвиняемого.

212. В отношении вопросов, касающихся выдачи, было отмечено, что вопрос о применимости национальных судебных процедур в связи с решением о выдаче связан с трудным вопросом о национальном запросе по вопросам существа, касающимся обвинения, выдвигаемого судом. В этой связи было выражено мнение о том, что национальные власти не должны иметь право на рассмотрение ордера в связи с основным правом, а могут устанавливаться определенные официальные требования. В качестве особенно трудной была указана также проблема различных национальных требований в отношении достаточности доказательств. Было выражено мнение о том, что эта проблема возникает лишь в том случае, когда существует абсолютное требование, и что следует не допускать усложнения таких национальных процедур путем привнесения процедур, которые, в действительности, не являются необходимыми по национальному праву. По вопросу о

релевантности двойной преступности и сроков исковой давности были выражены сомнения в уместности таких правил в связи с вопросами о выдаче обвиняемого суду с учетом того, что в его юрисдикцию входят преступления самого серьезного характера.

213. Было выражено также мнение о том, что предусматриваемую уставом систему задержания и выдачи можно расширить в целях охвата осужденных лиц, поскольку существует возможность требования ареста и выдачи осужденного лица, которое сбежало из-под стражи.

214. В отношении исключений из обязательства в отношении выдачи было подтверждено мнение о том, что они должны быть сведены к абсолютному минимуму и что они должны быть конкретно сформулированы в уставе. В этой связи была поставлена под сомнение уместность использования таких традиционных ограничений или исключений, как национальность обвиняемого, степень интеграции в общество и оправдания и обоснования в соответствии с национальным правом или исключения политического характера. Было также выражено мнение о том, что срок давности, а также возраст и состояние здоровья подозреваемого лица не должны быть основаниями для отказа в выдаче.

215. По вопросу о применимости некоторых традиционных отсрочек было отмечено, что национальными процедурами может предусматриваться более серьезное нарушение, чем то, которое рассматривается судом, и поэтому необходимо рассмотреть концепцию отсрочки выдачи или системы временной выдачи для обеспечения того, чтобы как национальное разбирательство, так и разбирательство в суде могли проводиться на основе временной выдачи обвиняемого суду. Было также выражено мнение о том, что соответствующее государство может также обеспечивать исполнение как национального приговора, так и приговора суда. Вопрос о неопределенности национальных процедур в отношении того же преступления также считался релевантным, как соответствующий принципу взаимодополняемости.

216. В связи с вопросом о передаче обвиняемых в суд или государству, содержащему под стражей, было высказано мнение о том, что такая передача может стать соответствующим рубежом для передачи главной ответственности в отношении обвиняемого от национальных органов международному уголовному суду. Было высказано мнение о том, что это же соображение могло бы в равной мере применяться к задержанию обвиняемого до суда. Было также отмечено, что это могло бы быть приемлемым решением для тех государств, в которых начальные процедуры в отношении выдачи потребуют определенного участия национальных судов.

217. В связи с вопросом о транзите через территорию третьих государств в ходе передачи обвиняемых в суд или государству, содержащему под стражей, была признана необходимость ввести в устав специальное положение, касающееся обязательств этих государств транзита, и соответствующих различий, которые следует проводить в этом вопросе в зависимости от того, является данное государство участником устава или нет. Была упомянута возможность заключения специальных договоренностей между судом и государствами, не являющимися участниками устава.

218. В связи с другими вопросами о выдаче была подчеркнута важность вопроса о коллизии договорных обязательств. Было высказано мнение о том, что государство, к которому обращена соответствующая просьба, должно принимать свое решение с учетом общих задач суда, принципа взаимодополняемости и цели установления наиболее подходящей юрисдикции для разбирательства по делу обвиняемого. Было также высказано мнение о необходимости включить в устав положение о том, что в случаях коллизии обязательств о передаче/выдаче государство - участник устава должно признавать обязательство о передаче обвиняемого в суд, если другое государство, имеющее договоренность о выдаче с государством, к которому обращена просьба, не сможет незамедлительно предъявить серьезные доказательства того, что оно обладает достаточной юрисдикцией и что факты подтверждают справедливость утверждения о том, что национальное обвинение будет действовать эффективно. Вместе с тем в связи с пунктом 4 статьи 53 было

высказано мнение о том, что презумпция примата юрисдикции должна действовать в пользу государств, а не суда.

219. В связи с нормой о неизменности условий было выражено мнение о необходимости определенного положения о неизменности условий, которое гарантировало бы права обвиняемых, однако в уставе следует также предусмотреть положение об отказе государства, к которому обращена просьба, государства, содержащего под стражей, а также обвиняемого, подобно положению, которое действует в традиционных формах договоров о выдаче. Было также высказано мнение о том, что норму о неизменности условий, возможно, необходимо расширить и охватить вопрос о способности суда осуществить выдачу третьему государству в соответствии с его собственными процедурами и, кроме того, возможно, необходимо проводить различие между преступлениями, совершенными после выдачи, к которым норма о неизменности условий, как правило, не применяется. Однако было также отмечено, что норма о неизменности условий не должна применяться в отношении суда.

220. Было высказано мнение о том, что вопрос о повторной экстрадиции, а именно о передаче судом обвиняемого третьему государству, является важным и что его стоит конкретно отразить в уставе. В частности, было отмечено, что требует изучения вопрос о том, обладает ли государство, содержащее под стражей, постоянно действующим правом отказать суду в разрешении передать обвиняемого.

221. Было также высказано мнение о необходимости изучить вопрос о международной ответственности национальных органов при осуществлении мер по просьбе суда и вопрос о правовом статусе суда, когда он участвует в национальном судопроизводстве.

3. Судебная помощь

222. Было высказано замечание относительно того, что в системах общего права "судебная помощь" не включает некоторые виды помощи, в частности те виды, которые требуют применения сил полиции. В этой связи было предложено использовать термин "взаимная помощь", который применен в Типовом договоре о взаимной помощи в области уголовного правосудия Организации Объединенных Наций (резолюция 45/117 Генеральной Ассамблеи). Была выражена обеспокоенность в связи с тем, что термин "взаимный" может подразумевать обоюдность, - что в данном контексте неуместно, - однако было отмечено, что взаимная помощь, подразумевающая равный доступ к доказательствам и информации, необязательно предполагает обоюдность.

223. Некоторые делегации подчеркнули необходимость всестороннего сотрудничества между международным уголовным судом и национальными органами, в рамках которого каждая сторона будет учитывать проблемы и потребности другой страны.

224. Что касается помощи на стадии расследования (до предъявления обвинительного заключения), то высказывались соображения в пользу составления перечня видов помощи, которую, как ожидается, государства-участники будут оказывать международному уголовному суду; этот перечень может не быть исчерпывающим, однако должен определять виды помощи, которые являются обязательными.

225. Что касается вопроса о том, должен ли прокурор иметь право на совершение действий, связанных с подготовкой и расследованием дела, на территории того или иного государства, несколько делегаций выразили мнение, что согласие этого государства является обязательным предварительным условием и что такие действия должны совершаться в соответствии с внутренними конституционными и другими требованиями. Другие делегации сочли, что необходимо проводить различие между видами соответствующих действий. Так, например, прокурору может быть разрешено в соответствии с уставом опрашивать свидетелей на территории государства-участника

согласно внутреннему законодательству при условии информирования, по соображениям международной вежливости, национальных судебных или полицейских органов. Вместе с тем действия, требующие принудительных мер, например, проведение обыска и конфискации или передача, должны оставаться прерогативой органов национальной полиции, в частности в силу того, что могут возникнуть проблемы ответственности. В качестве возможной основы для разработки соответствующих положений устава назывались многосторонние договоры о взаимной помощи и Типовой договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия Организации Объединенных Наций.

226. Отмечалось, что пределы правомочности прокурора совершать действия, связанные с подготовкой дела на территории того или иного государства, в значительной степени зависят от наличия в этом государстве функционирующей судебной системы.

227. Отмечалось, что в уставе необходимо предусмотреть исключения из обязательства государства удовлетворять просьбу прокурора об оказании помощи. В этой связи была сделана ссылка на конституционные положения, ограничивающие возможность принуждать свидетеля к даче показаний, а также на привилегии, освобождающие индивидуумов от обязанности давать свидетельские показания.

228. Было обращено внимание на необходимость уточнить, относятся ли положения пункта 6 статьи 26, касающиеся прав обвиняемого в период до проведения допроса, только к прокурору или они относятся и к национальным органам при проведении ими допроса подозреваемого в связи с расследованием, которое проводит международный уголовный суд.

229. Было выражено мнение, что в уставе необходимо рассмотреть вопрос о сборе и конфиденциальности информации и доказательств. В этой связи было отмечено, что в процессе уголовного разбирательства обвиняемый должен иметь полный доступ к доказательствам против него и возможность для их изучения.

230. С учетом того, что одной из задач планируемого суда является поощрение преследования предполагаемых правонарушителей национальными средствами, а также того, что не все государства связаны соглашениями о взаимной судебной помощи, было выдвинуто предложение включить в устав соответствующие положения, полагаясь на которые государства могли бы запрашивать помощь друг у друга.

231. Было также обращено внимание на руководящие принципы, разработанные Международным трибуналом для бывшей Югославии в отношении национального имплементационного законодательства и направленные на содействие сотрудничеству с государствами в соответствии со статьей 21 его устава. Эти руководящие принципы касаются следующих вопросов: обязанности сотрудничать; национального органа, ответственного за сотрудничество с трибуналом; параллельной юрисдикции; ареста, задержания и передачи обвиняемого; предварительного ареста; свидетелей и экспертов; данных из полицейских архивов; иммунитета и свободного транзита; возврата имущества и доходов, полученных в результате совершения преступления; и обеспечения исполнения приговоров. Аналогичные руководящие принципы можно было бы разработать и для международного уголовного суда по основным аспектам сотрудничества с государствами, при этом остальные аспекты можно было бы регулировать специальными соглашениями между судом и соответствующими государствами.

232. Отмечалось также, что, хотя государство - участник устава, согласившееся на обязательную юрисдикцию суда в отношении того или иного преступления, безусловно, обязано удовлетворить просьбу о помощи в связи с этим преступлением, неясно, обязано ли это государство-участник удовлетворять просьбу о помощи в связи с таким преступлением при отсутствии такого согласия с его стороны. Отмечалось также, что в проекте устава не рассматривается вопрос об обязанности

государств предоставлять помощь защите, о возможной роли суда или прокурора в рассмотрении таких просьб.

233. Делегации, затрагивавшие в своих выступлениях вопрос о свидетелях, отмечали, что в связи с международным уголовным судом возникает вопрос о том, может ли присутствие свидетелей обеспечиваться непосредственно или оно должно обеспечиваться через государственные органы. Отмечалось, что во многих странах конституции не предусматривают возможности принуждения гражданина покинуть страну для участия в судебных разбирательствах в другой стране. Одним из решений этой проблемы может быть получение свидетельских показаний по запросу о помощи государства проживания свидетеля; запрашиваемое государство могло бы использовать методы принуждения, допускаемые его внутренним законодательством, и предоставлять международному уголовному суду протокол допроса и перекрестного допроса. Было высказано предложение придать соответствующим нормам гибкость, с тем чтобы судья или прокурор международного уголовного суда могли присутствовать и играть активную роль. Одна из делегаций высказала мнение о том, что в крайне редких, исключительных случаях запрашиваемое государство могло бы обеспечивать присутствие свидетеля, принимая определенные меры косвенного принуждения в виде штрафа или тюремного заключения. В числе других упомянутых решений отмечались получение свидетельских показаний путем прямой видеосвязи с судом или, с согласия соответствующего государства, заслушивание свидетельских показаний судом на территории данного государства.

234. Обращалось внимание на необходимость решения, предпочтительно, по мнению одной делегации, в правилах получения доказательств, которые должны быть разработаны Палатами, вопроса о привилегиях свидетелей, связанных с отказом от дачи свидетельских показаний (привилегия отношений между адвокатом и клиентом, супружеская привилегия и т.д.). Другие вопросы, упоминавшиеся в этой связи, касались гарантий безопасности и расходов и затрат, включая авансовые платежи.

235. Вопросы, связанные с сотрудничеством по вопросам, касающимся обвинительного заключения, судебной помощью в период, следующий за предъявлением обвинительного заключения, временными мерами, неизменностью условий и сообщениями и документацией, перечисленные в указаниях, изложенных в приложении к настоящему докладу, были рассмотрены делегациями, которые отметили их важное значение и целесообразность их дальнейшего рассмотрения.

236. Отмечалось, что при обсуждении вопроса о судебной помощи следует должным образом учитывать тот факт, что следственный процесс и сбор доказательств могут начинаться задолго до установления предполагаемого правонарушителя, что следует предусмотреть сотрудничество между государствами - участниками устава и международным уголовным судом в период, предшествующий рассматриваемому этапу. Отмечалось также, что участники обсуждения до настоящего момента исходили из того, что национальные судебные системы способны сотрудничать. Возник вопрос о том, каким образом международный уголовный суд будет выполнять свои функции, если он не сможет полагаться на функционирующие национальные судебные системы.

4. Признание решений суда, исполнение приговоров и взаимное признание судебных решений

237. В связи со статьями 58 и 59 проекта устава были высказаны различные мнения относительно того, следует ли в уставе предусмотреть непосредственное признание и исполнение приказов, решений и постановлений суда в соответствии с принципом непрерывного исполнения или же в нем необходимо предусмотреть определенные дальнейшие действия национальных органов в соответствии с принципом конверсии. Было выдвинуто предложение о том, что устав должен учитывать оба подхода, а не только один из них. Было отмечено, что степень, в которой

государства должны быть связаны решениями суда, относится к вопросу о юрисдикции, согласии и дополняемости.

238. Внимание участников было привлечено к вопросу о правах третьих сторон, особенно в случаях, связанных с вопросами конфискации имущества, конфискации доходов и реституции. Был поставлен вопрос о том, должны ли права третьих сторон определяться международным уголовным судом или же эти стороны должны иметь возможность обращаться к национальным судам, если их интересы не будут учтены судом.

239. В связи со статьей 59 проекта устава было высказано мнение о том, что в вопросах исполнения приговоров следует полагаться на государства, изъявившие готовность принять заключенных для заключения в тюрьму будь то на условиях общего согласия или по конкретным случаям. Вместе с тем было также выражено мнение о том, что в статью 59 следует внести поправку, с тем чтобы предусмотреть в ней обязательство всех государств-участников исполнять приговоры суда, за исключением государства, гражданином которого является обвиняемый, и государства, на территории которого было совершено преступление.

240. На вопрос о том, следует ли спрашивать согласия обвиняемого при определении места заключения, был дан отрицательный ответ, хотя было высказано мнение о том, что мнения обвиняемых можно было бы принимать во внимание.

241. В связи с вопросом о том, каким законом следует регулировать исполнение приговоров, было высказано мнение о том, что условия тюремного заключения должны соответствовать международным стандартам. Было также сказано, что, хотя полномочия, связанные с заключением, и административные полномочия в отношении осужденного должны делегироваться государству, принявшему на себя ответственность за исполнение приговора, международный уголовный суд должен играть определенную роль в надзоре за заключенным, возможно, при посредничестве соответствующей международной организации. Был также поставлен вопрос о том, следует ли предусмотреть какой-либо канал связи между судом и заключенным.

242. Несколькими делегациями было высказано мнение о том, что вопрос о штрафах и других финансовых санкциях требует дальнейшего рассмотрения. Было отмечено, что в свете статьи 47 проекта устава, который предусматривает наложение штрафов, необходимо включить положение, касающееся исполнения этого рода наказания. Однако было также подчеркнуто, что трудности создания такого механизма исполнения необходимо рассматривать при определении целесообразности включения положения, касающегося штрафов.

243. В отношении статьи 60 было сделано следующее замечание: хотя суд должен регулировать вопросы, касающиеся помилования, условно-досрочного освобождения, смягчения наказания или освобождения осужденных, необходимо принять меры к тому, чтобы обеспечить относительно единообразное отправление правосудия на национальном уровне. Было высказано мнение о том, что национальным органам следует предоставить возможность выносить суду свои рекомендации на основе, например, поведения заключенного, или что национальные органы и суд могут выносить общее решение.

Г. Бюджет и административное управление

244. В связи с бюджетными аспектами возникло три главных тенденции: согласно одной из них, расходы на содержание суда должны покрываться за счет регулярного бюджета Организации Объединенных Наций; в соответствии со второй тенденцией эти расходы должны нести государства - участники устава; и согласно третьей тенденции, подробное обсуждение бюджетных вопросов будет являться преждевременным до тех пор, пока не будет прояснен вопрос о характере суда и степени его общего признания.

245. Сторонники первого подхода подчеркивали необходимость обеспечения универсального характера суда путем придания ему статуса части системы Организации Объединенных Наций. Учитывая характер преступлений, в отношении которых суд будет осуществлять свою юрисдикцию, они считали необходимым обеспечить возможность того, чтобы все государства могли начинать судебное разбирательство, не неся финансового бремени, - цель, которая не может быть достигнута в том случае, если только государства - участники устава будут вносить взносы на финансирование этого органа. Было отмечено также, что на практике было сложно финансировать другие учреждения в этой области только за счет добровольных взносов или по системе позитивного выбора.

246. Те, кто высказывается в пользу второго подхода, указывали, что интерес большого числа стран к деятельности суда приведет к их широкому участию в его уставе и поэтому к большому числу финансирующих сторон. Упоминалась также возможность применения формулы, аналогичной той, которая применяется в рамках Постоянной Палаты Третейского Суда.

247. Было предложено рассмотреть вопрос о том, чтобы государство, выступающее инициатором того или иного разбирательства в суде, брало на себя часть соответствующих расходов, с уделением должного внимания особому положению развивающихся стран. Было также высказано мнение, что расходы на судебную помощь, оказываемую по просьбе суда, можно было бы считать расходами самого суда. В ответ на аргумент, согласно которому для стремления того или иного государства обеспечить отправление правосудия препятствием может стать нехватка финансовых средств, было выражено мнение о том, что лишь очень небольшое число стран испытывают нехватку ресурсов в такой степени, что они не могут вносить даже незначительные взносы, с учетом того, в частности, что в отсутствие международного уголовного суда им самим придется нести соответствующие расходы. Было высказано также замечание о том, что Организация Объединенных Наций должна нести финансовую ответственность в связи с делами, передаваемыми Советом Безопасности.

248. В целях сокращения расходов, независимо от источника финансирования, было предложено, чтобы тогда, когда это возможно, суд переезжал в то место, где было совершено то или иное конкретное преступление. Было также предложено обязать государство, которое обратилось с необоснованным иском, покрывать часть расходов. Кроме этого, упоминалось о возможности создания механизма ревизии в целях контроля за расходами суда, а также надзорного механизма по контролю за административным управлением судом.

249. Было отмечено, что суд должен иметь юридическую личность. Было предложено включить в устав положение о привилегиях и иммунитетах суда и его должностных лиц.

III. РАССМОТРЕНИЕ В СВЕТЕ ОБЗОРА СПЕЦИАЛЬНЫМ КОМИТЕТОМ ОСНОВНЫХ ВОПРОСОВ

СУЩЕСТВА И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВОПРОСОВ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ ПРОЕКТА УСТАВА,

ПОДГОТОВЛЕННОГО КОМИССИЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, ПУТЕЙ СОЗЫВА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПОЛНОМОЧНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

250. На втором этапе своей работы Специальный комитет рассмотрел вышеупомянутый вопрос на основе предложений, подготовленных Председателем (см. пункты 255-259 ниже).

251. Все выступавшие делегации отмечали качество работы, проделанной Специальным комитетом, что отражало общее понимание значимости данного мероприятия и было хорошим предзнаменованием, а также необходимость заручиться участием всех стран в деле, которое, как было сказано, является важным начинанием исторической значимости.

252. Значительное число делегаций отмечало, что Комитет осуществил мандат, вверенный ему Генеральной Ассамблеей, и что настало время перейти к новому этапу переговоров по подготовке текста конвенции для принятия на конференции полномочных представителей. В этой связи они приветствовали предложение соответствующим образом изменить мандат в отношении будущей работы. В то же время выражалась признательность Комиссии международного права за подготовку ее ценного проекта. Хотя соответствующие делегации были готовы принять текст, предложенный Председателем, в качестве компромиссного варианта, они тем не менее выразили сожаление в связи с тем, что в этом тексте не был указан конкретный график завершения работы, имеющей, по их мнению, чрезвычайно важное значение. Большинство из них считали, что при наличии необходимых факторов (политической воли, ресурсов и широкого круга экспертов) можно было бы вполне разработать конкретные сценарии, связанные с рассмотрением отдельных вопросов рабочими группами, которые работали бы одновременно в течение определенного периода времени в 1996 году, что позволило бы завершить подготовительную работу к моменту созыва конференции в 1997 году. По мнению некоторых делегаций, можно было бы предусмотреть проведение такой конференции в 1996 году. Хотя было выражено сожаление в связи с тем, что в предложениях Председателя не были затронуты аспекты времени, было отмечено, что все пути, из которых ряд делегаций выделили созыв подготовительного комитета в 1996 году, остаются открытыми и что направления будущей работы предстоит определить Шестому комитету и Генеральной Ассамблее.

253. Некоторые делегации признали, что Специальный комитет добился ценных результатов, и приветствовали существующий конструктивный подход; они подчеркнули, что еще многое предстоит сделать. Они указали, что конечной целью является не международная конференция, а учреждение эффективного международного уголовного суда, обладающего моральным авторитетом, пользующегося независимостью, универсальной поддержкой и имеющего универсальный членский состав. В этой связи был отмечен сложный характер осуществляемого мероприятия, в рамках которого в целях учреждения подлинно международного суда необходимо решить много сложных и новых проблем и учитывать разнообразие конституционных и правовых систем. Соответствующие делегации подчеркнули, что для успешного продолжения работы требуется углубленное изучение ряда вопросов, а также активное участие как можно большего числа стран. Некоторые делегации выразили опасение, что эти задачи не могут быть решены в течение одного года. Хотя некоторые из них считали, что по некоторым вопросам вполне можно разработать проекты текстов, другие так не считали и высказывали мнение о том, что на данном этапе неразумно менять характер осуществляемой деятельности. Некоторые считали, что до реального начала переговоров еще далеко. Соответствующие делегации предупреждали, что если задача заключается действительно в учреждении международного уголовного суда, а не в составлении рапортов о политических успехах, то устанавливать нереальные сроки и вести разговоры о созыве конференции, предвосхищающие полномочия Генеральной Ассамблеи и направленные на искусственное ускорение нормального хода событий, было бы неразумно. Одна делегация высказала мнение о том, что формулировка третьего предложения третьего пункта предложения Председателя могла бы гласить: "С учетом достигнутого прогресса Комитет считает, что вопросы могут быть решены наиболее эффективно на основе дальнейшего обсуждения с целью подготовки проекта текста конвенции конференцией полномочных представителей, которую предстоит созвать".

254. Ряд делегаций высоко оценил очередное великодушное предложение правительства Италии принять конференцию по вопросу об учреждении международного уголовного суда.

IV. ВЫВОДЫ СПЕЦИАЛЬНОГО КОМИТЕТА

255. В своей резолюции 49/53 от 9 декабря 1994 года Генеральная Ассамблея учредила Специальный комитет по вопросу об учреждении международного уголовного суда и приняла решение о проведении "обзора основных вопросов существа и административных вопросов, вытекающих из проекта устава, подготовленного Комиссией международного права, и рассмотрения в свете такого обзора вопроса о мероприятиях по созыву международной конференции полномочных представителей", и постановила "включить в предварительную повестку дня своей пятидесятой сессии пункт, озаглавленный "Создание международного уголовного суда", с тем чтобы изучить доклад Специального комитета и письменные замечания, представленные государствами, и принять решение относительно созыва международной конференции полномочных представителей для заключения конвенции о создании международного уголовного суда, включая сроки и продолжительность такой конференции".

256. Специальный комитет по вопросу об учреждении международного уголовного суда хотел бы подчеркнуть полезность проводимых им обсуждений, в ходе которых им был проведен обзор основных вопросов существа и административных вопросов, вытекающих из проекта устава, в связи с учреждением международного уголовного суда. На обеих сессиях Комитет добился значительного прогресса в отношении таких ключевых вопросов, как дополняемость, юрисдикция и судебное сотрудничество между государствами и международным уголовным судом.

257. Для учреждения международного уголовного суда необходимо проделать дополнительную работу. Работа должна осуществляться на основе подготовленного Комиссией международного права проекта устава с учетом докладов Специального комитета и представленных государствами замечаний, а также, при необходимости, документов, подготовленных соответствующими организациями. С учетом достигнутого прогресса Комитет считает, что для наиболее эффективного решения вопросов необходимо сочетать дальнейшие обсуждения с подготовкой проектов текстов в целях составления сводного текста конвенции о создании международного уголовного суда в качестве следующего шага в деле рассмотрения конференцией полномочных представителей. В этой связи Комитет предлагает соответствующим образом изменить мандат в отношении будущей работы.

258. Сознвая заинтересованность международного сообщества в учреждении такого международного уголовного суда, который пользовался бы широким признанием, Комитет рекомендует Генеральной Ассамблее рассмотреть вопрос об организации будущей работы в целях скорейшего ее завершения 11/.

259. Для обеспечения универсальности, которая является важным элементом успешной работы международного уголовного суда, Комитет призывает к участию в будущей работе как можно большее число государств.

Примечания

1/ Список членов Специального комитета на его первой сессии см. в документах A/AC.244/INF/1 и Add.1 и A/AC.244/INF/2 и Add.1.

2/ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок девятая сессия, Дополнение № 10 (A/49/10), глава II.B.I; и A/49/355, глава II.

3/ Замечания были получены от: Азербайджана, Барбадоса, Беларуси, Венесуэлы, Кипра, Китая, Ливийской Арабской Джамахирии, Сингапура, Соединенных Штатов Америки, Судана, Тринидада и Тобаго, Франции, Чешской Республики, Швейцарии и Швеции, а также от Сектора по предупреждению преступности и уголовному правосудию, Международной программы

Организации Объединенных Наций по контролю над наркотическими средствами и от Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года.

4/ Было также отмечено, что дополняемость может рассматриваться не в качестве принципа, а скорее в качестве цели, к которой следует стремиться.

5/ United Nations, Treaty Series, vol. 78, No. 1021, p. 277.

6/ Reservations to the Convention on Genocide, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1951, p.23.

7/ Применение Конвенции о пресечении преступления геноцида и наказании за него (Босния и Герцеговина против Югославии (Сербия и Черногория), см. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 4 (A/50/4), пункты 98-119.

8/ Один из представителей отметил, что пункт 1b (i) статьи 21 не совсем соответствует пункту 1 статьи 53 и что в любом случае требование, содержащееся в упомянутом подпункте b (i), должно быть снято. Чтобы яснее выразить свою мысль, он заявил, что его обеспокоенность будет удовлетворена, если текст подпункта b будет заменен следующим текстом:

"b) в любом ином случае, когда

i) заявление подается на основании пункта a статьи 25;

ii) юрисдикция суда признана в соответствии со статьей 22 государством, на территории которого соответствующее действие или бездействие имело место; и

iii) подозреваемый выдается суду, будь то добровольно или нет, государством, которому секретарь суда направил ордер на арест в соответствии с пунктом 1 статьи 53."

9/ См. пункты 63-71 выше в отношении различных мнений, высказанных по вопросу о том, должно ли преступление в агрессии охватываться юрисдикцией суда.

10/ Было отмечено в этой связи, что в проекте не содержится положения о праве обвиняемого на то, чтобы его дело было рассмотрено судом.

11/ По мнению некоторых делегаций, было бы целесообразно установить дату завершения такой работы. В качестве ориентировочного срока указывался 1996 год. Другие делегации считали, что на данном этапе еще невозможно установить реалистичную дату.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Руководящие указания для обсуждения вопроса о взаимоотношении между государствами-участниками, неучаствующими государствами и международным уголовным судом

I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ, КАСАЮЩИЕСЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УГОЛОВНЫМ СУДОМ

1. Вопрос о сотрудничестве, по сути, связан с общей проблемой применимости национального права к национальной части сотрудничества: в этом контексте возникает вопрос о том, действует ли государство - когда оно действует в рамках сотрудничества - в пределах полномочий суда, как своего органа, или же сотрудничество осуществляется государством по его собственной инициативе и с соблюдением национального законодательства.

2. Выбор не являющихся взаимоисключающими подходов к решению вопросов о помощи (как выдачи, так и судебной помощи) в уставе:

а) облегчающее решение задач общее положение, в основе которого лежат существующие режимы судебной помощи и выдачи; например, применительно к судебной помощи, общее положение, дополненное неисключительным перечнем видов помощи, об оказании которой можно было бы просить;

б) детально разработанный режим в уставе или в приложении к нему; например, применительно к выдаче обвиняемых, новый механизм "передачи", предложенный КМП.

3. Степень обязательств государств-участников в отношении оказания помощи:

а) абсолютные или за некоторыми исключениями; если имеются исключения, то что должно быть исключением и каковы основания для этих исключений;

б) факторы, которые могут влиять на степень обязательств:

согласие государств на юрисдикцию международного уголовного суда в отношении определенных видов преступлений или в отношении конкретного преступления, о котором идет речь;

с) принцип дополняемости;

д) традиционные соображения, касающиеся важнейших интересов (общественного порядка);

е) соблюдение других конвенций.

4. Роль национальных законов/судов в деле обеспечения гарантий основных прав: могут или должны национальные власти полагаться на международный уголовный суд в этих вопросах?

II. ТЕМЫ, КАСАЮЩИЕСЯ КОНКРЕТНЫХ АСПЕКТОВ СОТРУДНИЧЕСТВА

Первая тема: арест и выдача

1. Активизирующее механизм выдачи действие международного уголовного суда: ордер на арест, выданный международным уголовным судом.

Путаница, вызванная концепцией "временного ареста" в проекте статьи 28 (в сравнении со статьей 52).

Различие между арестом до предъявления обвинения и арестом после предъявления обвинения.

Являются ли ордер на арест суда и предъявление в какой-то форме обвинения предварительными условиями для ареста обвиняемого государством?

2. Просьба международного уголовного суда об аресте обвиняемого - форма и содержание просьбы и передача этой просьбы национальным властям:

а) для временного ареста (статья 52); для официальной просьбы об аресте и выдаче (статья 57);

б) степень, в которой в уставе (или в приложении к нему) необходимы подробные указания.

3. Арест обвиняемого национальными властями в целях выдачи международному уголовному суду (на основании либо просьбы о временном аресте (статья 52), либо официальной просьбы об аресте и выдаче (статья 57)).

Роль национальных властей и международного уголовного суда при первоначальном аресте:

а) исполнение ордера международного уголовного суда против исполнения просьбы об аресте в соответствии с решением национального органа и национальными законами?

б) применимость национальных судебных процедур [конституционные требования/основные права];

с) защита прав обвиняемого в связи с арестом - применение стандартов суда против национальных стандартов;

д) арест лиц, не являющихся обвиняемыми.

4. Задержание до выдачи:

а) определяется судом (вопрос о применении статьи 29 подлежит рассмотрению) или определяется национальными властями?

б) регулируется национальным правом, соответствующими международными нормами или нормой, содержащейся в уставе международного уголовного суда?

5. Решение о выдаче:

а) роль, если о таковой идет речь, национальных судов или других властей;

b) применимость национальных судебных процедур, и если это так, то какие правовые вопросы могут решаться (например, личность обвиняемого, действительны ли обвинение суда и ордер на арест; вменяемое преступление является преступлением в рамках юрисдикции международного уголовного суда, юридические права обвиняемых лиц в отношении просьбы о выдаче);

- различные национальные требования в отношении достаточности доказательств;
- уместность двойной преступности и сроков исковой давности;

c) применение национального права, в частности вопросы/права основного или конституционного характера.

6. Абсолютное обязательство в отношении выдачи против общего обязательства с учетом исключений. Если имеются исключения, то в какой степени традиционные ограничения в отношении выдачи уместны в контексте международного уголовного суда?

Некоторые примеры традиционных ограничений или исключений включают в себя:

- non bis in idem;
- политическое преступление;
- гражданство обвиняемого.

Некоторые примеры традиционных отсрочек включают в себя:

- осуществление национальных процедур разбирательства в отношении того же преступления;
- отсрочка выдачи против временной выдачи, когда обвиняемый подлежит судебному разбирательству за другие преступления.

7. Передача обвиняемого суду или "содержащему под стражей" государству, выступающему в качестве опекуна в отношении лиц, содержащихся под стражей до судебного разбирательства судом:

a) приводит ли передача обвиняемого (или решение о выдаче) к тому, что главная ответственность за обвиняемого перекладывается с национальных властей на международный уголовный суд?

b) какие органы власти несут ответственность за передачу?

8. Проблемы транзита через третьи государства в ходе передачи обвиняемого международному уголовному суду или "содержащему под стражей" государству:

- сфера обязанностей государства транзита.

9. Содержание обвиняемого под стражей до суда:

a) (текст проекта устава не проводит четкого разграничения между a) содержанием под стражей национальными властями в ожидании национального решения о выдаче и b) содержанием под стражей (до или после суда) национальными властями, соглашающимися выступать в качестве

агента, осуществляющего содержание под стражей, для суда - здесь именуются "содержащим под стражей" государством);

- b) определяется судом (статья 29) или властями "содержащего под стражей" государства?
- c) контролируется уставом суда, другими соответствующими международными нормами или национальным правом?
- d) опротестование обвиняемым законности содержания под стражей:
 - решается судом (статья 29(3) или национальными властями?
 - исключает ли обращение в суд в соответствии со статьей 29(3) основные права обвиняемого согласно национальному праву опротестовывать в национальных судах законность содержания под стражей? Если нет, каков locus standi международного уголовного суда в процедурах разбирательства в национальном суде?

10. Другие вопросы, касающиеся выдачи

- a) Обязательства перед международным уголовным судом против обязательств/ прав согласно существующим договорам об экстрадиции, другим двусторонним или многосторонним соглашениям или соглашениям о статусе сил:
 - следует ли отдавать предпочтение просьбе международного уголовного суда (статья 53(4))?
 - зависит ли ответ на этот вопрос от того, согласилось ли государство - участник устава на юрисдикцию международного уголовного суда в отношении рассматриваемого преступления?
- b) Норма о неизменности условий (статья 55).

Вторая тема: судебная помощь

1. Судебная помощь на стадии расследования (до предъявления обвинительного заключения)

- Различные виды судебной помощи (следует ли включать перечень с перечислением; следует ли проводить различие между обязательными и необязательными мерами?);
- Должен ли прокурор иметь право на осуществление действий на территории государства, которое не является принимающим,
- по своей собственной инициативе (например, для сбора документации и других доказательств, для проведения расследований на месте),
- по своей собственной инициативе, но при условии получения согласия соответствующего государства
- или эти действия должно осуществлять соответствующее государство (в тесном сотрудничестве с прокурором; в соответствии с традиционной практикой в вопросах международной судебной помощи)?

- Возможность различных подходов в различных условиях (в зависимости от вида помощи);
 - Изучение правомерности действий на месте, осуществляемых прокурором или выполняемых от имени прокурора каким-либо государством; санкции и компенсация за противоправные действия;
 - Необходимость разъяснений по вопросу о взаимосвязи между статьями 26 и 51;
 - Требование и условия получения согласия соответствующего государства;
 - Объем правовой обязанности, касающейся выполнения просьбы международного уголовного суда об осуществлении таких действий;
 - Исключения и ограничения в отношении такой обязанности;
 - Какие государства несут эту обязанность? (зависит ли этот критерий от согласия на юрисдикцию суда в отношении соответствующего преступления, от его участия в уставе, или от каких-либо других факторов)?
 - Применимость конституционных требований или стандартов в области основных прав человека к действиям прокурора;
 - Применимость национального права и процедур;
 - Возможность заключения прокурором специальных договоренностей с соответствующим государством относительно способов передачи информации.
2. Сотрудничество по вопросам, касающимся обвинительного заключения (Статьи 30 и 38)
- Уведомление подозреваемого об обвинительном заключении через национальные власти;
 - Формы оказания государствами содействия суду в доведении обвинительного заключения до сведения обвиняемого.
3. Судебная помощь в период, следующий за предъявлением обвинительного заключения, и в ходе судебного разбирательства (Статья 38) (многие из вопросов, затронутых в пункте 1, возникают и в этом контексте)
- Правовые последствия просьбы суда в соответствии со статьей 38, пункты 5b и c; на (какое) государство возлагаются правовые обязательства?
 - Правовые последствия отказа в удовлетворении такой просьбы для отказавшего государства (воздействие на процесс?);
 - Просьба о сотрудничестве, представленная от имени обвиняемого;
 - Способность обеспечить явку свидетелей (имеются ли другие альтернативы?).
4. Временные меры (статья 52)
- Форма и содержание просьбы о принятии временных мер;

- Правовые последствия временного изъятия документов и других доказательств (компенсация за понесенные расходы);
- Какие процедуры применимы к мерам, принимаемым государством в целях предотвращения причинения вреда какому-либо свидетелю или его запугивания либо уничтожения доказательств?
- Правовые последствия отсутствия последующей официальной просьбы.

5. Неизменность условий (статья 55)

- Право международного уголовного суда отклоняться от нормы о неизменности условий в отношении документальных свидетельств и материалов - при условии согласия государства?
- Право суда ходатайствовать об отмене ограничений, налагаемых нормой о неизменности условий - обязанность выполнять?

6. Сообщения и документация (статья 57)

- Форма и содержание сообщений и документации, необходимых для осуществления сотрудничества;
- Современные методы передачи сообщений и условия их использования.

7. Обязательства

- Обязательства перед судом против обязательств/прав, предусмотренных существующими международными договорами и соглашениями о судебной помощи.

Третья тема: признание решений международного уголовного суда

- Различные виды решений суда и их воздействие на их признание и исполнение;
- Характер решения суда - квалифицируется ли в качестве национального судебного решения?
- Подлежит ли оно рассмотрению в рамках национальных процедур? Если да, то в какой степени?
- Применимость национального права в отношении процедур признания (непрерывное исполнение или изменение статуса);
- Защита прав третьих сторон.

Четвертая тема: исполнение приговоров

- Требование, касающееся согласия государства (в каждом отдельном случае или общее согласие?) (см. подтемы а. и б. ниже);
 - Необходимая документация (см. подтемы а. и б. ниже):
- а) Исполнение приговоров, предусматривающих тюремное заключение:

- Тюремное заключение в соответствии с национальным правом или международными стандартами;
- Применимость национальных процедур (в случаях, например, временного отсутствия);
- Устав международного уголовного суда в надзоре за тюремным заключением;
- Обязанности государства, касающиеся обеспечения связи между заключенным и международным уголовным судом;
- Ответственность национального суда против ответственности международного уголовного суда за решения о помиловании, условно-досрочном освобождении и смягчении наказания;

b) Исполнение приговоров, предусматривающих наказания, не связанные с тюремным заключением:

- Процедура исполнения судебных решений (национальное против регулируемого международным правом);
- Защита прав третьих сторон;
- Распределение активов.

Пятая тема: взаимное признание судебных решений

- Non bis in idem
 - в качестве препятствия для оказания судебной помощи;
 - в качестве препятствия для процедуры судебного разбирательства;
- Признание международным уголовным судом других национальных судебных решений.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Руководящие принципы для рассмотрения вопроса об общих принципах уголовного права

В рамках данной темы могут обсуждаться следующие вопросы.

A. Вопросы процедуры

1. Метод разработки:

- государствами в уставе (или приложении к нему);
- международным уголовным судом в каждом отдельном случае;
- международным уголовным судом в качестве части правил (должно быть подтверждено государствами-участниками?);
- комбинированный метод (например, основные вопросы определены в уставе или приложении к нему), а другие оставлены на усмотрение международного уголовного суда).

2. Связь с внутригосударственным правом:

- применение законов конкретного государства;
 - какого государства?
- ссылка на внутригосударственное право для целей толкования;
 - конкретное государство (какое государство?);
 - общие принципы, представленные в правовых системах мира.

B. Вопросы существа

1. Общие принципы:

- отсутствие обратной силы;
- наказание по нормам обычного международного уголовного права;
- индивидуальная ответственность;
- неотносимость занимаемой должности к делу;
- уголовная ответственность корпораций?
- уместность законов об исковой давности.

2. Виновные действия:

- действие или бездействие;
- причинность и ответственность.

3. Вина:

- намерение (вина, *dolus*/преднамеренно, сознательно, по небрежности/*dolus eventualis*, грубая небрежность);
- общее намерение - конкретное намерение? (мотивы);
- возраст ответственности.

4. Другие виды ответственности:

- просьба/побуждение;
- попытки;
- сговор/тайный сговор;
- пособничество и подстрекательство;
- соучастие;
- соучастие в преступлении;
- ответственность за указания/ответственность руководителей за действия и поступки подчиненных.

5. Возражения:

а) отрицание ответственности:

- ошибка в праве?
- ошибка в фактах?
- недостаточные умственные способности:
 - чтобы предстать перед судом
 - в отношении ответственности;

б) освобождение от ответственности и оправдывающее обстоятельство:

- самозащита;
- защита других;
- защита собственности?
- необходимость;
- меньшее из зол;
- физическое принуждение/насилие/непреодолимая сила;

- приказы начальников;
 - обеспечение исполнения законов/другие органы поддержания порядка;
- с) (возражения в рамках публичного международного права/в зависимости от юрисдикции):
- военная необходимость;
 - репрессалии;
 - статья 51 Устава Организации Объединенных Наций
(в сравнении с оправдывающими обстоятельствами в проекте Комиссии международного права об ответственности государств).

6. Отягчающие и смягчающие обстоятельства:

- влияние на ответственность и/или наказание?

7. Наказания:

- а) исполнение наказаний;
- б) виды наказаний (заключение в тюрьму, штрафы, возмещение/лишение имущества/конфискация);
- с) минимальная и максимальная мера наказания.